

Михаил Петрович Громов
Тропа к Чехову
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7936358

*Громов Михаил Петрович Тропа к Чехову документально-художественная книга о жизни и творчестве А. П. Чехова: Детская литература; Москва; 2004
ISBN 5-08-004111-0*

Аннотация

Биография великого русского писателя, основанная на серьезном анализе его творчества и дополненная архивными фотографиями, воспоминаниями близких и современников, открывает новые грани жизненной и писательской судьбы А. П. Чехова.

Содержание

Предисловие	5
Краткая летопись жизни и творчества А.П. Чехова	7
Таганрог	9
Москва	12
Путешествие в детство	19
Путешествие на Сахалин	29
Первая поездка за границу	37
Мелихово	42
В Ялте	51
Последний отъезд из России	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

М. П. Громов
Тропа к Чехову
Документально-художественная книга
о жизни и творчестве А. П. Чехова

© Издательство «Детская литература». Оформление, 2004

© М. П. Громов. Текст, наследники

Предисловие

Заслоненный монументальными романами своих великих предшественников – Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, – А. П. Чехов долгое время казался писателем камерным и, в сущности, не таким уж большим. В юности его крошечные сценки и юмористические рассказы печатались в так называемой малой прессе, в юмористических журналах, а эти издания никто в России всерьез не принимал. Писал он ярко, свежо и смешно – такие вещи, например, как «Хирургия», «Живая хронология», «Неосторожность», «Налим», «Сапоги», «Лошадиная фамилия», вошли в золотой фонд нашей литературы, но тогда и смех ставился ему в укор: если смешно, так уж, наверное, несерьезно. А нужно было писать серьезно. «Вам хорошо теперь писать рассказы, – сказал Чехов И. А. Бунину незадолго до своей смерти, – все к этому привыкли, а это я пробил дорогу к маленькому рассказу, меня еще как за это ругали...»¹ Требовали, чтобы я писал роман, иначе и писателем нельзя называться...»¹

И позднее, когда выходили в свет «Степь», «Черный монах», «Анна на шее», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой» – все, что в наши дни с таким успехом ставится на театральной сцене, на телевидении и в кино, – Чехов оставался автором очередного рассказа, очередного небольшого сборника, словно бы специально рассчитанного на занятого и нетерпеливого читателя, – «Пестрые рассказы», «Хмурые люди», «В сумерках», «Детвора»... Полторы-две сотни страничек, редко больше; это смущало людей, привыкших к долгому, созерцательному чтению, к великим пространствам русского романа, где было такое множество героев, такое обилие трудных общественных вопросов и проблем.

«Уж очень коротко пишешь, ей-богу. Не говорю уже, как редко! Ведь это хвостик, этюд. И так читать почти нечего, а тут набредешь на что-нибудь живое, чуть разлакомишься – хлоп, конец», – писал Чехову артист и режиссер Малого театра А. И. Сумбатов (Южин) 24 августа 1898 года, прочитав «Человека в футляре» – рассказ, который в наше время едва ли кому-нибудь покажется коротким. Так постепенно, от одного чеховского рассказа к другому, менялся читательский вкус...

Первое собрание сочинений Чехова, в котором не было и половины того, что он написал за свою жизнь (вышло в книгоиздательстве А. Ф. Маркса в 1899–1902 годах), удивило современников своим, как писали тогда, неожиданно и невероятно большим объемом – в нем было десять полновесных томов. Позднее, в 1912–1916 годах, сестра писателя издала его письма – тоже не многим более половины эпистолярного наследия Чехова, но все же целых шесть томов, до пятисот страниц в каждом. Стало выясняться, что в полном объеме собрания своих сочинений Чехов – писатель далеко не камерный и не маленький: он равен Достоевскому и Тургеневу, значительно превышает Гончарова, Лескова, Писемского и уступает только Л. Толстому, равных которому в нашей литературе нет.

Современное Полное собрание сочинений и писем Чехова – это тридцать томов, в которых собрано около шестисот рассказов и повестей, шестнадцать пьес, четыре с половиной тысячи писем. Академический тридцатитомник оказался самым многотиражным из всех научных изданий, выпущенных в мире за все времена.

Чехов, так и не написавший романа, создал нечто большее: множество рассказов, связанных единством тематики и стиля, целостное повествование о русской жизни, заместившее старый и, как думалось в ту пору, переживший себя роман. Появился не «новый жанр», а, в сущности, новая литература без романа, и понадобились десятилетия, чтобы это понять (см. высказывания Л. Толстого, М. Горького, Т. Манна, Дж. Пристли в главах «Воспоминания современников» и «Зарубежные писатели о Чехове»).

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1988. Т. 6. С. 182.

Но вместе с тем возникли и новые трудности: что выбрать из этого почти необъятного повествования, какую часть его, какой рассказ предпочесть всем остальным? Ведь от этого и зависит понимание Чехова: простой подборкой подходящих по содержанию рассказов можно обосновать любую заранее заданную идею или предумышленную концепцию, как это уже и бывало в литературоведении и в прежние годы, и в наши дни.

Чаще всего – особенно в школе – говорят о критическом реализме, о том, что Чехов обличал (или «бичевал») лихоимство, угодничество, лесть, предательство, ложь. Это, разумеется, так, но ведь это не все: кто же в России не разоблачал угодничество и лихоимство и был ли у нас хоть один писатель, утверждавший, что взятка облагораживает, лесть возвышает, а ложь очищает душу? Для такого рода «обличений» вовсе не нужно быть Чеховым.

При таком подходе утрачивается главное: сады и степи Антона Чехова, его Россия, его мудрость, лирика, чувство истории, чувство родной земли...

«Вообще Чехова понимают очень плохо, – заметила еще в 1922 году английская писательница Кэтрин Мэнсфилд. – Его все время рассматривают под каким-нибудь одним углом зрения, а он из тех, к кому нельзя подходить только с одной стороны. Нужно охватить его со всех сторон – увидеть и почувствовать его целиком».

Эта книга задумана как введение к Чехову. В ней собран разнообразный, в том числе и справочный, материал, помогающий освоиться в его обширном художественном мире, в его жизни, не столь уж богатой событиями и внешне очень простой, в том, как эволюционировало и менялось отношение к его творчеству на протяжении нескольких десятилетий в России и за рубежом.

Краткая летопись жизни и творчества А.П. Чехова

В этом разделе читатель найдет краткую летопись жизни и творчества Чехова, одного из великих классиков русской литературы XIX века. Поль Валери, поэт и филолог, академик, один из тех, кого во Франции называют «бессмертными», выделил в истории мирового искусства три великие эпохи: античность, Возрождение, русская литература XIX века. Отсюда признание, которое сопутствует Чехову в цивилизованном мире. Отсюда же и особое внимание к его жизни и творческой биографии, в которой было немало неясностей и своеобразных белых пятен.

Чехов родился в 1860 году (через год в России было отменено крепостное право) и умер в 1904-м (через год началась первая русская революция). Он был потомком людей, по закону освобожденных, но по своим обычаям и складу души все еще крепостных.

«Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости, – писал он А. С. Суворину 7 января 1889 года. – Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, – напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись и одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Герой одного из поздних и едва ли не самых известных рассказов Чехова говорит: «Ах, свобода, свобода! Даже намек, даже слабая надежда на ее возможность дает душе крылья, не правда ли?» («Человек в футляре»). Возвращаясь к языку старой русской критики, к высокому слогу Белинского, где столь уместны слова «пророк», «пророчество», «пафос», следовало бы сказать, что подлинный пафос чеховского творчества сосредоточен в этой надежде: он был последним в классической русской литературе пророком нашей свободы – личной, душевной, общественной.

Он жил во времена глубочайших сдвигов в вековечном укладе российского бытия, когда законы государства, авторитет отцов, моральные прописи Церкви утрачивали власть над людьми и в хаотическом брожении жизни трудно было понять, как сложится завтрашний день. Перед лицом меняющейся действительности люди терялись, и эта потерянность отозвалась в бесконечных исканиях героев Льва Толстого, в жестоких психологических надрывах Достоевского: «Порассказать толково то, что мы все, русские, пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии, – да разве не закричат реалисты, что это фантазия! А между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм...»²

Время Чехова – это время великих научных открытий, обращенных в будущее и надолго опережавших свой век. Никакого практического смысла не имели и мало кому были в те времена понятны неевклидова геометрия Н. И. Лобачевского, тем более космогонические теории К. Э. Циолковского, как, впрочем, и Периодическая система Д. И. Менделеева, который пророчески говорил, что топить печи ассигнациями несравненно выгоднее, чем нефтью. Ему не верили, слова его казались парадоксом ученого чудака.

Тогда же и чеховский доктор Астров нарисовал свою карту, о смысле которой мы догадываемся только теперь. Сто лет тому назад на русских реках не было ни одной электростанции, никто и слыхом не слыхивал о кислотных дождях. «Русские леса трещат под

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 2. С. 329.

топором...» Но топор не бульдозер, не самосвал, не лесоповальные машины, которые подхватывают ствол своими мощными механическими руками и срубают дерево, как былинку, превращая таежную чащобу в пустырь. Правда, в лесах уже были проложены просеки железных дорог, по современным меркам – игрушечных, а в топках локомотивов сжигались береза, лиственница и сосна.

Тихо было в мире в те далекие времена: не было самолетов, метро, трамваев, троллейбусов, ни даже этих слов – «авиация», «космос». Не было страшных, ледящих душу кадров видеохроники: стаи белоснежных птиц в разливах мазута и нефти на Балтике; скандинавские шхуны на Северном море, отравленном миллионами кубометров бросовых вод; рыба с полусгнившими плавниками, незрячая, негодная в пищу; светлоглазые дети, теряющие волосы от неведомого недуга. Во всей России погибла в те времена одна-единственная чайка: «В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю...»

Создавая карту Астрова, эту гигантскую экстраполяцию в будущее, Чехов, как Менделеев и Циолковский, опередил свое время на целый век.

При составлении летописи были учтены разыскания, выполненные составителем этой книги для академического Полного собрания сочинений и писем Чехова. Впервые указываются время и место первой чеховской публикации и псевдоним писателя, тоже, по-видимому, самый первый, оставшийся неизвестным в течение долгих лет: Юный старец. Приводятся документы, обнаруженные в архивах московской цензуры, которые проясняют судьбу первого сборника Антоши Чехонте, не вышедшего в свет («Шалость», 1882). Важнейшее значение имеет датировка пьесы «Безотцовщина» (в кино была поставлена под названием «Неоконченная пьеса для механического пианино»). Этой пьесой (1877–1881), предназначавшейся для М. Н. Ермоловой и отвергнутой в Малом театре из-за непомерно большого объема и несценичности, Чехов и начинал свой творческий путь.

Таганрог

1860

17(29) января. Родился Антон Павлович Чехов, третий сын П. Е. Чехова (1825–1898) и Е. Я. Чеховой (урожд. Морозовой; 1835–1919).

Семья Чеховых жила тогда в Таганроге, на Полицейской улице. Дом сохранился до наших дней.

И. А. Бунин впоследствии писал:

«Мы сидели, как обычно, в кабинете Антона Павловича и почему-то заговорили о наших крестных отцах.

– Вас крестил генерал Сипягин, а вот меня купеческий брат Спиридон Титов. Слыхали такое звание?

– Нет.

И Антон Павлович протянул мне метрическое свидетельство. Я прочел и спросил:

– Можно переписать его?

– Пожалуйста.

«Запись в метрической книге Таганрогской соборной церкви: «1860 года месяца Января 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна; приемники: таганрогский купеческий брат Спиридон Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Сафьянопуло жена».

– Купеческий брат! Удивительное звание! – никогда не слыхал!

В метрическом свидетельстве указано, что Чехов родился 17 января.

Между тем Антон Павлович в письме к сестре пишет (из Ялты. – М. Г.) 16 января 1899 г.:

«Сегодня день моего рождения, тридцать девять лет. Завтра именины, здешние барышни и барыни (которых зовут антоновками) пришлют и принесут подарки».

Разница в датах? Вероятно, ошибся дьякон.

1867

Антон и Николай Чеховы отданы в приготовительный класс греческой приходской школы; отец хотел, чтобы сыновья стали купцами.

«Сливки общества в тогдашнем Таганроге составляли богатые греки, которые сорили деньгами и корчили из себя аристократов, и у отца составилось твердое убеждение, что – детей надо пустить именно по греческой линии и дать им возможность закончить образование даже в Афинском университете» (М. П. Чехов).

1867–1875

Братья Чеховы постоянно пели в церковном хоре; руководил этим хором их отец.

1868

Антон был определен в приготовительный класс 2-й Таганрогской мужской гимназии.

1869–1879

Учеба в гимназии.

Много сил и времени отнимала бакалейная лавка отца, где нужно было присматривать за порядком, обслуживать покупателей. В 3-м и 5-м классах Антон оставался на второй год из-за отставания по арифметике, географии и греческому языку.

Вместе с братьями Иваном и Николаем обучался портняжному и переплетному ремеслу в ремесленном классе при таганрогском уездном училище.

На каникулах бывал в деревне Княжей у дедушки Е. М. Чехова, управляющего имением графа Платова, в других богатых имениях и на хуторах под Таганрогом.

1873

Осень. Впервые посетил театр, где в тот вечер шла оперетта Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена»; началось сильное увлечение театром.

1873–1874

Задумал переделать в трагедию повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

1874–1875

Вместе с братьями Антон устраивал домашние спектакли, особенно удачно исполняя комические роли стариков и старух. В «Ревизоре» играл Городничего. Сам придумывал и ставил комические сценки.

1875–1876

Составлял юмористический рукописный журнал «Заика», писал для него сценки из таганрогской жизни. Было выпущено несколько номеров журнала, но ни один из них не сохранился.

1876

23 марта. В Таганроге открыта городская библиотека. Антон записался в начале 1877 года и стал частым ее посетителем.

23 апреля. П. Е. Чехов, признавший себя несостоятельным должником, тайно уехал в Москву: он не выдержал конкуренции с более оборотистыми и ловкими торговцами. Судьба его была глубоко типичной. «Множество промышленных и торговых заведений закрылось, – писали позднее в газете «Порядок», – и хозяева их выехали в другие места или же остаются без дела, испытывая разные лишения... Тогда как в других городах жалуются на недостаток и дороговизну квартир, у нас множество жилых помещений остаются пустыми, и банки не находят покупателей на заложенные и не проданные в срок дома. Вот уже несколько лет не видно никаких построек, и даже дома, начатые постройкою, остаются не оконченными...»

25 июля. Покинула Таганрог Е. Я. Чехова с младшими детьми – дочерью Марией и сыном Михаилом.

В доме, доставшемся Г. П. Селиванову, жили теперь только Антон и Иван.

За угол и стол Антон занимался с племянником Селиванова, Петей Кравцовым, готовя его к поступлению в юнкерское училище. Продавал домашний скарб, а вырученные деньги посылал в Москву родителям. Осенью 1876 года уехал Иван.

1876–1877

Писал сценки и очерки для гимназического журнала «Досуг» (не сохранились).

Первый известный нам автограф Чехова – классное сочинение «Киргизы».

1876–1879

Жил один в чужом доме. В последних классах гимназии учился успешно, зарабатывая на жизнь уроками.

1877

Март – апрель. Чехов впервые в Москве; здесь он провел пасхальные каникулы.

4 марта. В московском юмористическом журнале «Будильник» – ответ, вероятно адресованный Чехову: «Не будут напечатаны: стихотворения... Крапивы». Крапива – один из множества ранних псевдонимов Чехова, которым он воспользовался, по-видимому, лишь один раз.

Ноябрь. Послал брату Александру Павловичу в Москву для журнала «Будильник» юморески. (Две из них Ал. П. Чехов отправил в журнал; напечатаны не были.)

1877–1878

Написал большую драму «Безотцовщина», пьесу «Нашла коса на камень» и водевиль «Не даром курица пела».

1878

В петербургском юмористическом журнале «Стрекоза» появились первые публикации Чехова с подписью «Юный старец»: короткие стихотворения «Актерам-ремесленникам», «Разочарованным» и сценка «Кому платить».

Стихотворения отличались краткостью и простотой; в сценке «Кому платить» действовали старшие братья Чехова, Александр и Николай. Сюжет ее, всего вероятнее, был почерпнут прямо из их студенческого быта.

И стихи, и сценка, и особенно псевдоним Юный старец, бывший, нужно думать, обычным семейным прозвищем Антона, – все это весьма характерно для таганрогского («лицейского») периода его жизни. «А. П., будучи тогда гимназистом... спал под кушей посаженного им дикого винограда и называл себя «Иовом под смоковницей». Под ней же он писал тогда стихи... В то время А. П. вообще предпочитал стихи прозе, как, впрочем, и всякий гимназист его возраста» (М. П. Чехов). Старший брат в письмах 1876–1879 годов обращался к Чехову так: «Глубоко почитаемый отче Антоние», «О пресловутый... великомудрый... глубокопочтенный... достоноклоняемый отче». Чехову была близка стилистика молчаливой сосредоточенности и затворничества. «Если я пойду когда-нибудь в монахи (у меня есть склонность к затворничеству), то буду молиться за Вас», – писал он А. С. Суворину 19 мая 1892 года. Всегда, со времен Юного старца, жила у него эта мечта: «Стать бы бродягой, странником, ходить по святым местам, поселиться в монастыре, посреди леса, у озера, сидеть летним вечером на лавочке у монастырских ворот». Он был крещен в честь легендарного пустычника святого Антония; «старец» – обычная его подпись в письмах к родным и друзьям.

14 октября. В письме Ал. П. Чехова – отзыв о присланных братом пьесах: «Безотцовщина» и «Нашла коса на камень».

1879

Начало апреля. Писал младшему брату Михаилу в Москву: «Хорошо делаешь, если читаешь книги. Привыкай читать. Со временем ты эту привычку оценишь. Мадам Бичер-Стоу выжала из глаз твоих слезы? Я ее когда-то читал, прочел и полгода тому назад с научной целью и почувствовал после чтения неприятное ощущение, которое чувствуют смертные, наевшись не в меру изюму или коринки... Прочти ты следующие книги: «Дон-Кихот» (полный, в 7 или 8 частях)... Сервантеса, которого ставят чуть ли не на одну доску с Шекспиром. Советую братьям прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева. Ты, брате, не поймешь. Если желаешь прочесть нескучное путешествие, прочти «Фрегат Паллада» Гончарова».

Лето. Чехов успешно закончил гимназию. Получив стипендию для учебы от таганрогского городского управления (25 рублей ежемесячно), поступил на медицинский факультет Московского университета.

Москва

Послал в «Будильник» и «Стрекозу» свои новые юморески: «Скучающие филантропы» (не сохранилось) и «Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху», в котором был знаменитый афоризм, навсегда оставшийся в русском языке: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

1879–1881

Переписывал и переделывал драму «Безотцовщина», надеясь поставить ее в Малом театре в бенефис М. Н. Ермоловой.

Пьеса не была тогда ни поставлена, ни напечатана. Опубликована лишь в 1923 году. Рукопись пьесы находится теперь в ЦГАЛИ (Москва). Заглавный лист не сохранился. На первой странице – карандашный черновик письма к М. Н. Ермоловой. Карандаш стерся, и теперь лишь с большим трудом удастся прочитать слова: «Уважаемая Мария Николаевна... Не пугайтесь. Половина зачеркнута. Во многих местах... нуждается еще... Уваж. А. Чехов».

Это обращение Чехова, тогда безвестного студента-первокурсника, к первой актрисе России представляется настоящей загадкой. Знаком он с Ермоловой до 1890 года не был, театральные порядки и нравов не знал. Просмотр и оценка рукописей начинающих драматургов никогда не входили в круг обязанностей примадонны, поэтому трудно думать, что Ермолова «видела» или читала пьесу. Это сделал некто чином помладше – помощник режиссера или кто-нибудь из тех, кого теперь называют в театрах «литературными консультантами». Можно представить себе, что сказал юному драматургу этот безвестный человек, перелиставший огромную (около 10 печатных листов!), испещренную бесчисленными ошибками и поправками, неудобную для постановки рукопись. Чтобы сыграть ее от начала до конца, нужно было вывести на подмостки всю труппу Малого театра, спектакль длился бы не менее восьми часов, и, что всего плачевнее, все женские роли в пьесе были главными, но ни одна из них не годилась для Ермоловой!

Чехов получил, по-видимому, очень тяжелый урок, о котором он, возможно, и говорил В. С. Миролубову в 1903 году: «Этого свинства, которое со мной было сделано, забыть нельзя... Слишком много было тяжелого... Да знаете ли вы, как я начинал?..»

В пьесах Чехова М. Н. Ермолова никогда не играла и по-настоящему оценила их лишь с появлением Художественного театра. О. Л. Книппер писала Чехову о «Трех сестрах» 17 февраля 1903 года: «Была Ермолова, прислала в уборную каждой сестры чудесные майоликовые вазы с цветами... Была за кулисами, восторгалась игрой, говорит, что только теперь поняла, что такое – наш театр. В 4-м акте, в моей сцене прощания, она ужасно плакала и потом долго стоя аплодировала».

На сцене мирового театра первая пьеса Чехова появилась в конце 1920-х гг. и шла в крупнейших театрах Европы и Америки под различными названиями: «Платонов», «Русский Дон-Жуан», «Дикий мед». В 1977 году Н. Михалков поставил на ее основе фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино».

1880

В журнале «Стрекоза» напечатано 10 рассказов и «мелочишек» Чехова, в том числе «Письмо к ученому соседу», «Каникулярные работы институтки Наденьки N», «Папаша», «Тысяча одна страсть, или Страшная ночь», «За яблочки».

6–8 июня. Пушкинские празднества в Москве. 6 июня был открыт памятник Пушкину; он создавался на пожертвования, всенародно копившиеся в течение двадцати лет, и был установлен на Тверском бульваре почти точно напротив того места, на котором находится теперь. 7 и 8 июня в зале Благородного собрания – ныне это Колонный зал – в память о Пушкине произнесли свои речи Тургенев и Достоевский. Это были единственные вечера, когда Чехов

мог видеть и слышать их. Сохранились рисунки Н. П. Чехова, связанные с открытием памятника, – своеобразный образец графического репортажа, особенно удававшегося Николаю. О пушкинских празднествах Чехов писал в Таганрог. Письма до нас не дошли, но сохранился отзыв М. Е. Чехова: «Сегодня получил от милого Антоши письмо, читая которое я проследил. Я сам люблю великого Пушкина, а Антоша изобразил самое жалостное в жизни – несчастную смерть его».

7 декабря. В газете «Минута» появился рассказ «Жены артистов».

1881

Продолжал сотрудничать в «Будильнике», напечатав там рассказ «Петров день», и в новом московском журнале «Зритель» («В вагоне», «Суд», «Грешник из Толедо» и др.).

Часто работал вместе с братом Николаем, который иллюстрировал юморески, сценки и рассказы.

В редакции журнала «Будильник» познакомился с писателем В. А. Гиляровским.

1882

Печатался в журнале «Москва» («На волчьей садке», «Забыл!!», «Встреча весны», «Зеленая коса», «Барыня» и др.); «Будильник» (повесть «Ненужная победа» – пародия на переводные романы венгерского писателя М. Йокая, «Жизнь в вопросах и восклицаниях», «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя» и др.); «Свет и тени» («Сельские эскулапы», «Скверная история» и др.); «Спутник» («Пропавшее дело», «Двадцать девятое июня», «Который из трех?»); «Мирской толк» («Два скандала», «Барон», «Живой товар», «Цветы запоздалые» и др.). Всего – 32 публикации.

Летом собрал и отредактировал лучшие свои рассказы, чтобы издать отдельной книгой. По архивным документам удалось установить ее название – «Шалость» – и ее судьбу, оказавшуюся драматической.

Книга, включающая 12 рассказов, с прекрасными рисунками Н. П. Чехова, в свет не вышла: она была запрещена московской цензурой. Сохранилось лишь два неполных корректурных оттиска. Увидеть их можно в Музее А. П. Чехова в Москве. В архиве московской цензуры был обнаружен неизвестный автограф Чехова (прошение от имени московской типографии Н. Коди).

В конце года послал свои рассказы в петербургский юмористический еженедельник «Осколки». Началось сотрудничество с издателем журнала, популярнейшим в те годы юмористом Н. А. Лейкиным.

1883

Январь – апрель. Проходил медицинскую практику в клинике детских болезней.

3 февраля. Н. А. Лейкин в письме отозвался о рассказе «На гвозде»: «Это настоящая сатира. Салтыковым пахнет».

Начало февраля. Написал Ал. П. Чехову, что «становится популярным» и «уже читал на себя критики». Медицина тоже шла успешно: «Умею врачевать и не верю себе, что умею...»

5 февраля. В № 6 «Осколков» напечатаны два рассказа («Роман адвоката», «На гвозде») и две подписи под рисунками на темы А. Чехонте.

В течение всего года Чехов печатался в журнале почти еженедельно.

13 мая. В письме к Ал. П. Чехову: «Мои рассказы не подлы и, говорят, лучше других по форме и содержанию, а андюшки дмитриевы возводят меня в юмористы первой степени, в одного из лучших, даже самых лучших; на литературных вечерах рассказываются мои рассказы».

Лето. Каникулы провел в Воскресенске, где И. П. Чехов служил учителем. Работал в Чикинской земской больнице.

Конец июля. Начал вести по предложению Лейкина фельетонное обозрение «Осколки московской жизни». Работа продолжалась до октября 1885 года.

Июль. Посылая рассказ «Трагик», сетовал в письме к Н. А. Лейкину на вынужденную краткость: «Пришлось сузить даже самую суть и соль... А можно было бы и целую повесть написать...»

Август – сентябрь. Написал для альманаха «Стрекоза» большой рассказ «Шведская спичка», в котором пародировались коллизии «Преступления и наказания» и упоминался Достоевский.

Проходил медицинскую практику в московских клиниках. Писал зачетные работы – истории болезней.

Сентябрь. В память об И. С. Тургеневе написал рассказ «В ландо».

1 октября. В «Осколках» появился рассказ «Толстый и тонкий».

8–12 октября. Знакомство и встречи с любимым писателем – Н. С. Лесковым. Лесков благословил Чехова на литературную деятельность: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши», – и подарил ему свои книги.

В 1883 году в журналах и газетах под разными псевдонимами – А. Чехонте, Человек без селезенки, Брат моего брата и др. – напечатано 134 рассказа, юморески и фельетоны Чехова, в том числе «Кривое зеркало», «Ушла», «В цирульне», «Баран и барышня», «Размазня», «Умный дворник», «Загадочная натура», «Верба», «Вор», «Случай с классиком», «Смерть чиновника», «Злой мальчик», «Дочь Альбиона», «Осенью», «В Москве на Трубной площади», «В море», «В рождественскую ночь».

1883–1884

Чехов посетил в университете лекцию профессора В. О. Ключевского и «ушел с ощущением человека, внезапно наделенного новым чувством. Этим новым чувством было чувство прошлого».

1884

22 января. В письме Н. А. Лейкину критика «Осколков»: «Сушит их... многое множество фельетонов».

Май. Составил сборник «Сказки Мельпомены» – шесть рассказов о театральном мире: «Жены артистов», «Он и она», «Трагик», «Два скандала», «Барон», «Мечь».

В июне книга А. Чехонте вышла в свет в Москве в типографии А. А. Левенсона.

В газете «Театральный мирок» и журнале «Наблюдатель» – сочувственные отзывы: «Все шесть рассказов написаны бойким живым языком и читаются с интересом. Автор обладает несомненным юмором».

Газета «Новороссийский телеграф» поместила положительную рецензию однокашника Чехова, П. А. Сергеенко. В «Новом времени» – критическое замечание московского фельетониста А. Д. Курепина: «Напрасно Антоша Чехонте увлекся нашептываниями Мельпомены. Лучше бы ему обратиться к самой жизни и черпать в ней полную горстью материалы для всевозможных рассказов, и веселых и печальных».

Июнь. Закончил медицинский факультет Московского университета. Получил степень лекаря и звание уездного врача. В архивах Московского Императорского университета сохранились экзаменационные ведомости, свидетельствующие о том, что Чехов учился успешно: за первый курс, например, на пятерки сдал экзамены по ботанике, зоологии, химии, энциклопедии медицины, на четверки – по физике, минералогии, немецкому языку; единственную удовлетворительную оценку ему поставили по анатомии. За все годы своего студенчества Чехов получил еще лишь одну тройку – по теоретической хирургии на третьем курсе. Пятерок в ведомостях гораздо больше, чем четверок.

У И. И. Левитана познакомился с М. В. Нестеровым, впоследствии известнейшим русским художником.

Лето. Жил в Воскресенске. Работал в местной сельской лечебнице и звенигородской земской больнице. Вел прием больных, делал вскрытия, участвовал в судебной экспертизе.

Закончил и отдал в газету «Новости дня» большую повесть «Драма на охоте».

Сентябрь. На двери квартиры Чеховых в Москве появилась табличка: «Доктор А. П. Чехов».

Занимался врачебной практикой и задумал ученый труд – «Врачебное дело в России». Работа на степень доктора медицины не была закончена; сохранилось множество выписок из разных источников, главным образом из летописей, различных сборников и книг по древнерусской истории и фольклору.

Ноябрь – декабрь. В качестве репортера «Петербургской газеты» посещал Московский окружной суд, где слушалось дело И. Г. Рыкова о хищениях в Скопинском банке под Москвой.

7 декабря. Вынужден прекратить работу из-за сильного легочного кровотечения.

8 1884 году было опубликовано 105 рассказов, юморесок и фельетонов Чехова, в том числе «Орден», «Марья Ивановна», «Жалобная книга», «Альбом», «Брожение умов», «Хирургия», «Хамелеон», «Винт», «Маска», «Свадьба с генералом», «Устрицы», «Страшная ночь», – в «Осколках», «Будильнике», «Русском сатирическом листке», «Новостях дня», «Волне», «Московском листке», «Развлечении», «Стрекозе».

1885

31 января. Написал в Таганрог дяде, М. Е. Чехову: «Знакомых у меня очень много, а стало быть, немало и больных. Половину приходится лечить даром, другая же половина платит мне пяти- и трехрублевки».

Мечтает побывать в Таганроге: «Я уверен, что, служа в Таганроге, я был бы покойнее, веселее, здоровее, но такова уж моя «планида», чтобы остаться навсегда в Москве... Тут мой дом и моя карьера... Служба у меня двоякая. Как врач, я в Таганроге охалатился бы и забыл свою науку, в Москве же врачу некогда ходить в клуб и играть в карты. Как пишущий, я имею смысл только в столице».

Апрель. Приглашен на постоянную работу (рассказ для каждого понедельника) в «Петербургскую газету».

6 мая. Дебют в «Петербургской газете» – рассказ «Последняя могижанша». Затем в течение года были напечатаны: «Дипломат», «Сапоги», «Налим», «Лошадиная фамилия», «Егерь», «Злоумышленник», «Отец семейства», «Кухарка женится», «Кляузник» («Унтер Пришибеев»), «Мертвое тело», «Контрабас и флейта», «Писатель», «Горе» и др.

Лето. Провел в имении Киселевых Бабкино близ Воскресенска. Встречи с И. И. Левитаном, жившим неподалеку, в деревне Максимовка. Левитан подарил Чехову картину «Река Истра» (находится ныне в ялтинском Доме-музее).

М. П. Чехов писал в книге «Вокруг Чехова»: Воскресенск и Бабкино сыграли «выдающуюся роль в развитии таланта Антона Чехова. Не говоря уже о действительно очаровательной природе, где к нашим услугам были и большой английский парк, и река, и леса, и луга», а из Воскресенска, из Нового Иерусалима, доносился бархатный звон колокола, – и самые люди собрались в Бабкине точно на подбор. Получались решительно все толстые журналы: Киселевы были очень чутки ко всему, что относилось к искусству и литературе; В. П. Бегичев так и сыпал воспоминаниями; знаменитый в свое время тенор М. П. Владиславлев пел модные романсы, а Е. А. Ефремова каждый вечер знакомила с Бетховеном и другими великими музыкантами. Тогда композитор П. И. Чайковский, только что еще начавший входить в славу, занимал бабкинские умы. Мария Владимировна Киселева рассказывала удивительные истории. Между прочим, рассказом «Смерть чиновника» Антон Чехов обязан случаю, рассказанному В. П. Бегичевым и действительно имевшему место в московском Большом театре. В «Налиме» действие происходило при постройке купальни, «Дочь Альбиона» – мисс Матьюз, гувернантка приезжавших в Бабкино гостей, «Недоброе дело»

и «Ведьма» навеяны одинокой церковью с сторожкой, стоявшей на большой дороге в Даргановском лесу.

Сентябрь. Петербургский цензурный комитет запретил печатать в «Осколках» рассказ «Сверхштатный блюстититель» («Унтер Пришибеев»), а драматическая цензура – одноактную пьесу «На большой дороге».

Октябрь. Н. А. Лейкин возвратил Чехову не пропущенный цензурой рассказ «Звери»; рассказ вскоре был напечатан в «Петербургской газете» под названием «Циник».

Декабрь. Первая поездка в Петербург. Жил у Н. А. Лейкина. Знакомство с редакцией «Петербургской газеты», А. С. Сувориным, Д. В. Григоровичем, В. В. Билибиным.

«Я был поражен приемом, который оказали мне питерцы. Суворин, Григорович, Буренин... все это приглашало, воспевало... и мне жутко стало, что я писал небрежно, спуская рукава» (Ал. П. Чехову, 4 янв. 1886 г.). Договорился с Н. А. Лейкиным об издании книги рассказов.

Прекратилось сотрудничество Чехова в «Стрекозе», «Развлечении», «Волне», «Московском листке». В «Осколках», «Будильнике», «Петербургской газете», «Новостях дня» за 1885 год было опубликовано 133 рассказа, юморески и фельетона.

1886

2 января. Получил приглашение работать в газете «Новое время».

20 января. В «Петербургской газете» напечатан рассказ «Детвора».

Январь – февраль. Сбирал и редактировал рассказы для книги, издаваемой редакцией «Осколков». Заглавие книги – «Пестрые рассказы» – обсуждалось с Н. А. Лейкиным; принадлежит оно самому Чехову и созвучно с названием книги софиста Клавдия Элиана, римлянина, писавшего на греческом языке (ок. II в. н. э.). С фрагментами из «Пестрых рассказов» Элиана знакомились в классических гимназиях по хрестоматиям; на русском языке книга дважды выходила в переводе Ивана Сичкарева (М., 1773, 1787).

15 февраля. Дебют в «Новом времени» – рассказ «Панихида». Подписан именем: Ан. Чехов.

20 февраля. Написал Н. А. Лейкину: «Суворин назначил мне 12 коп. со строки. Но от этого мои доходы нисколько не увеличатся. Больше того писать, что я теперь пишу, у меня не хватит ни времени... ни энергии...»

8, 15 марта. В «Новом времени» – рассказы «Ведьма», «Агафья».

12 марта. В журнале «Сверчок» – рассказ «Шуточка».

25 марта. Письмо Д. В. Григоровича: «...у Вас *настоящий* талант, – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения». Григорович советовал бросить срочную работу: «Вы сразу возьмете приз и станете на видную точку в глазах чутких людей и затем всей читающей публики» – и поставить на выходящей скоро книге не псевдоним Чехонте, а настоящее имя.

28 марта. Ответил Д. В. Григоровичу благодарным письмом: «Как Вы приласкали мою молодость, так пусть Бог успокоит Вашу старость...»

Март. В большом письме старшему брату, Николаю Павловичу, изложил «кодекс воспитанного человека». Н. П. Чехов был наделен своеобразным и ярким художественным дарованием, но работал мало и без особой охоты; он рано пристрастился к беспечальному богемному житью-бытью, не тяготился вечным безденежьем и не чувствовал никакой ответственности перед семьей («Гибнет хороший, сильный, русский талант», – писал Чехов другому брату, Александру Павловичу, в феврале 1883 года.) В письме к Николаю, прямом и резком, он попытался воздействовать на брата в духе той строгой ответственности, трезвости и дисциплины, которых придерживался сам.

Николай искал оправданий, говорил о непонимании, и Чехов писал ему: «Ты часто жаловался мне, что тебя «не понимают!!». На это даже Гете и Ньютон не жаловались...

Жаловался только Христос, но тот говорил не о своем «я», а о своем учении... Тебя отлично понимают...» Беды у них в самом деле были общие: «сказывается плоть мещанская, выросшая на розгах... Победить ее трудно...»

Чехов просил брата вернуться к заброшенным работам (среди которых были иллюстрации к Достоевскому), воспитывать в себе привычку к труду и отвращение к тем житейским «мелочам», которые лишали человека всякой воли и в конце концов отнимали жизнь: воспитанные люди «не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки. Они стараются возможно укротить и облагородить половой инстинкт... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность... Они не трескают походя водку, не нюхают шкафов, ибо они знают, что они не свиньи...»

Нужна опрятность, которая, как ни странно, дается совсем не легко, – опрятность светлых проветренных комнат, прибранных обеденных и рабочих столов, спален, одежды, чистых сухих рук, отношений с женщиной и самой женственности.

Нужна душевная опрятность, спокойный и ровный тон в отношениях с людьми, особенно в семье, среди домашних, где ярко раскрываются крайности характеров, распушенность, неуравновешенность, где живут без вины виноватые близкие, на которых срываются бурные настроения, скука и злость.

Нужно видеть себя со стороны, чтобы вырваться из тины мелочей, из обжитого и по-своему уютного и теплого болота заурядности, которое засасывает людей незаметно и быстро, не оставляя от них никакого следа.

Не следует, наконец, усложнять жизнь, и тогда, быть может, удастся понять, каких она стоит трудов и как она сложна в действительности. Быть может, жизнь и в самом деле бесценный дар, но, во всяком случае, это дар не бесплатный: «Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...»

Это письмо Чехова к брату впоследствии было названо «кодексом воспитанного человека».

5 апреля. В журнале «Осколки» напечатан рассказ «Гриша».

13 апреля. Рассказ «Святою ночью» в газете «Новое время».

25 апреля – 8 мая. Чехов второй раз в Петербурге.

Вернувшись, снова уехал на лето в имение Киселевых – Бабкино. Вскоре в Бабкино переселился из Максимовки И. И. Левитан. Живя в Бабкине, написал для детей Киселевых шуточный рассказ «Сапоги всмятку», наклеив в текст смешные картинки из разных журналов.

Май. Вышла книга «Пестрые рассказы».

В журнале «Северный вестник» – «ядовитая» рецензия А. М. Скабичевского: «... вообще книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собою весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленной смертью газетного царства». В «Санкт-Петербургских ведомостях» – сочувственная рецензия Н. Ладожского (В. К. Петерсена), в «Петербургской газете» – В. В. Билибина: «Можно смело сказать, что г. Чехов обладает крупным и притом весьма симпатичным талантом, выдвигающим его из рядов «наших молодых беллетристов». Другие отзывы тоже разноречивы (появлялись в течение всего года). Автор «чувствовал себя костью, которую бросили собакам...». Н. А. Лейкину Чехов написал: «Про мою книгу заговорили толстые журналы. «Новь» выругала и мои рассказы назвала бредом сумасшедшего, «Русская мысль» похвалила, «Северный вестник» изобразил мою будущую плачевную судьбу на 2-х страницах, впрочем, похвалил...»

Июль – август. Получил приглашение дать рассказ в журнал «Русская мысль». (Сотрудничество началось позднее, в 1892 году.)

27 августа. В Москве поселился на новом месте – в доме Я. А. Корнеева по Садовой-Кудринской (ныне – Дом-музей А. П. Чехова).

24 ноября. Рассказ «Событие» напечатан в «Петербургской газете».

25 декабря. В «Петербургской газете» – рассказ «Ванька».

Декабрь. В течение двух недель работал над рассказом «На пути» (для «Нового времени»).

В журнале «Русское богатство» – статья Л. Е. Оболенского «Обо всем. Критическое обозрение»: «Чехов принадлежит к числу художников, которые не сочиняют сюжетов, а находят их всюду в жизни...» Чехов читал эту статью и написал М. В. Киселевой: «Малый восторгается мной и доказывает, что я больше художник, чем Короленко... Вероятно, он врет, но все-таки я начинаю чувствовать за собой одну заслугу: я единственный, не печатавший в толстых журналах, писавший газетную дрянь, завоевал внимание вислоухих критиков – такого примера еще не было...»

В журналах и газетах за 1886 год напечатано 112 рассказов, сценок, юморесок и фельетонов Чехова.

1887

4–11 января. Участвовал во Втором съезде русских врачей имени Н. И. Пирогова.

14 января. Написал М. В. Киселевой: «В новогодних номерах все газеты поднесли мне комплимент...»

17 января. В день своих именин написал брату, Ал. П. Чехову: «Рад бы вовсе не работать в «Осколках», так как мне мелочь опротивела. Хочется работать покрупнее или вовсе не работать».

Февраль. У Чехова – В. Г. Короленко (проездом из Нижнего Новгорода в Петербург).

Март. А. С. Суворин предложил Чехову издать сборник рассказов, напечатанных в «Новом времени».

18 марта. В письме к Суворину – о намерении посвятить новую книгу («В сумерках») Д. В. Григоровичу.

Путешествие в детство

2 апреля. Уехал на юг, Чтобы обновить впечатления от степи. Побывал в Таганроге, Рагозиной Балке, Новочеркасске, Славянске, на хуторе у П. А. Сергеевко в Екатеринославской губернии, Святых Горах. Путешествие продолжалось полтора месяца.

Эта поездка по Донским степям и Приазовью, связанная с замыслом повести «Степь», отразилась в письмах, напоминающих подробный дневник: путевые зарисовки чередовались здесь с воспоминаниями детства, и, как тому и следовало быть, реальность мало походила на воспоминания. Тот, кто вырос или бывал в Приазовских степях, кто видел их в июльские знойные дни, когда ветер пересыпает на проселке змеистые барханчики пыли, похожей на черную пудру, а вокруг ни кустика, ни цветка, ни единой зеленой травинки, тот знает, как непривлекательна и безотраднa в разгаре лета настоящая – так сказать, «дочеховская» – степь. В повести очень мало этнографического: ее поэтическая содержательность, жалоба ее трав, ее зарницы, грозы, древние дороги и сказочные великаны, крылья мельницы и одиночество тополя – все это уходит в глубины времен, к вечным истокам наших сказок и мифов. В этом смысле можно сказать, что Чехов создал и саму степь: столь одушевленной, таинственной и прекрасной она была, может быть, только в памятниках нашей словесности, сохранившихся от незапамятных времен.

Ниже приводятся отрывки из писем Чехова.

«7 апреля. Харцызская. 12 часов дня. Погода чудная. Пахнет степью, и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей – коршунов, летающих над степью...

Курганчики, водокачки, стройки – всё знакомо и памятно... Погода чертовски, возмутительно хороша. Хохлы, волы, коршуны, белые хаты, южные речки, ветви Донецкой дороги с одной телеграфной проволокой, дочки помещиков и арендаторов, рыжие собаки, зелень – всё это мелькает, как сон...

...Видно море. Вот она, ростовская линия, красиво поворачивающая, вот острог, богадельня, дришпаки, товарные вагоны... гостиница Белова, Михайловская церковь с топорной архитектурой... Меня встричаить Егорушка, здоровеннейший парень, одетый франтом: шляпа, перчатки в 1 р. 50 к., тросточка и проч. Я его не узнаю, но он меня узнает. Нанимает извозчика, и едем. Впечатления Геркуланума и Помпеи: людей нет, а вместо мумий – сонные дришпаки и головы дынькой. Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены... С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской. Подъезжаем...

– Ета, ета, ета... Антошичька...

– Ду-ушенька!

Возле дома – лавка, похожая на коробку из-под яичного мыла. Крыльцо переживает агонию, и парадного в нем осталось только одно – идеальная чистота. Дядя такой же, как и был, но заметно поседел. По-прежнему ласков, мягок и искренен. Людмила Павловна, «радая», забула засыпать дорогого чая и вообще находит нужным извиняться и отбредиваться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осужу ли? Но при всем том рада угостить и обласкать. Егорушка – малый добрый и для Таганрога приличный. Франтит и любит глядеться в зеркало. Купил себе за 25 р. женские золотые часы и гуляет с барышнями. Он знаком с Мамаки, с Горошкой, с Бакитькой и другими барышнями, созданными исключительно для того только, чтобы пополнять в будущем вакансии голов дыньками. Владимирчик, наружно напоминающий того тощего и сутуловатого Мищенко, который у нас был, кроток и молчалив; натура, по-видимому, хорошая. Готовится в светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была, а Леля мало отличается от

Саши. Что сильно бросается в глаза, так это необыкновенная ласковость детей к родителям и в отношениях друг к другу. Ирина потолстела. В комнатах то же, что и было: портреты весьма плохие и Коатсы с Кларками, распиханные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканность, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате, дядя, Людмила Павловна и Саша – в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинаяют они, вероятно, умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни, и из печей, которые всё еще топят, несмотря на теплое время... Не люблю таганрогских вкусов, не выношу и, кажется, бежал бы от них за тридевять земель.

Дом Селиванова пуст и заброшен. Глядеть на него скучно, а иметь его я не согласился бы ни за какие деньги. Дивлюсь: как это мы могли жить в нем?! Кстати: Селиванов живет в имении, а его Саша в изгнании...

Напиваюсь чаю и иду с Егором на Большую улицу. Вечереет. Улица прилична, мостовые лучше московских. Пахнет Европой. Налево гуляют аристократы, направо – демократы. Барышень чертова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки... Мода: платья оливкового цвета и кофточки. Не только аристократия (т. е. паршивые греки), но даже вся Новостроенка носит этот оливковый цвет. Турнюры не велики. Только одни гречанки решаются носить большие турнюры, а у остальных не хватает на это смелости.

Вечером я дома. Дядя облачается в мундир церковного сторожа. Я помогаю ему надеть большую медаль, которую он раньше ни разу не надевал. Смех. Идем в Михайловскую церковь. Темно. Извозчиков нет. По улицам мелькают силуэты дришпаков и драгилей, шатающихся по церквям. У многих фонарики. Митрофаньевская церковь освещена очень эффектно, снизу до верхушки креста. Дом Лободы резко выделяется в потемках своими освещенными окнами.

Приходим в церковь. Серо, мелко и скучно. На окнах торчат свечечки – это иллюминация; дядино лицо залито блаженнейшей улыбкой – это заменяет электрическое солнце. Убранство церкви не ахтительное, напоминающее Воскресенскую церковь. Продаем свечи. Егор, как фронт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке...

Крестный ход. Два дурака идут впереди, машут бенгальскими огнями, дымят и осыпают публику искрами. Публика довольна. В притворе храма стоят создатели, благотворители и почитатели храма сего, с дядей во главе, и с иконами в руках ждут возвращения крестного хода... На шкафу сидит Владимирчик и сыплет в жаровню ладан. Дым такой, что вздохнуть нельзя. Но вот входят в притвор попы и хоругвеносцы. Наступает торжественная тишина. Взоры всех обращены на о. Василия...

– Папочка, еще подсыпать? – вдруг раздается с высоты шкафа голос Владимирчика...

Еду к Еремееву, не застаю и оставляю записку. Отсюда к m-me Зембулатовой. Пробираюсь к ней через Новый базар, я мог убедиться, как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог. Нет ни одной грамотной вывески, и есть даже «Трактир Расия»; улицы пустынные; рожи драгилей довольны; франты в длинных пальто и картузах, Новостроенка в оливковых платьях, кавалери, баришни, облупившаяся штукатурка, всеобщая лень, умение довольствоваться грошами и неопределенным будущим – всё это тут воочию так противно, что мне Москва со своею грязью и сыпными тифами кажется симпатичной...

6 апрель. Просыпаюсь в 5 часов. Небо пасмурно. Дует холодный, неприятный ветер, напоминающий Москву. Скучно. Жду соборного звона и иду к поздней обедне. В соборе очень мило, прилично и не скучно. Певчие поют хорошо, не по-мещански, а публика всплошную состоит из баришень в оливковых платьях и шоколатных кофточках...»

«7, 8, 9 и 10 апрель. Скучнейшие дни. Холодно и пасмурно... Постоянное чувство неудобной лагерной жизни, а тут еще непрерывное «ета... ета... ета... да ты мало ел, да

ты ба покушал... да я забула засипать хорошего чаю»... Одно только утешение: Еремеев с женой и с своей удобной квартирой... Судьба щадит меня: я не вижу Анисима Васильича и еще ни разу не был вынуждаем говорить о политике. Если встречу с Анисимом Васильичем, то – пулю в лоб...

Выехать нельзя, ибо холодно, да и хочется поглядеть на проводы. 19-го и 20-го я гуляю и шаферствую в Новочеркасске на свадьбе, а раньше и позднее буду у Кравцова, где неудобства жизни в 1000 раз удобнее таганрогских удобств.

11 апреля. Пьянство у Еремеева, потом поездка компанией на кладбище и в Карантин. Был в саду. Играла музыка. Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в Сокольниках. Круг битком набит.

Каждый день знакомлюсь с девицами, т. е. девицы ходят к Еремееву поглядеть, что за птица Чехов, который «пишит». Большинство из них недурны и неглупы, но я равнодушен...

Видел похороны. Неприятно видеть раскрытый гроб, в котором трясется мертвая голова. Кладбище красиво, но обокрадено. Памятник Котопули варварски ощипан. О. Павел по-прежнему черен, франт и не унывает: пишет на весь мир доносы и бранится. Идет он по рядам и видит Марфочку, сидящую около своей лавки.

– Какого чччерта вы тут сидите? – говорит он ей. – Черт знает, как холодно, а вы не запираетесь! Чччерта вы уторгуете в такой холод!

Дядя ездит с ревизором. Ревизор – податной инспектор – играет тут такую роль, что Людмила Павловна дрожит, когда видит его, а Марфочка едва не выкрасила свои турнюры в желтый цвет от радости, когда он пригласил ее в кумы. Заметно, большой пройдоха и умеет пользоваться своим положением. Выдает себя за генерала, в каковой чин веруют и дядя и Лободины.

Покровский – благочинный. В своем муравейнике он гроза и светило. Держит себя архиереем. Его матушка мошенничает в картах и не платит проигрыша».

«25 апрель. Сейчас еду из Черкаска в Звереве, а оттуда по Донецкой дороге к Кравцову. Вчера и третьего дня была свадьба, настоящая казацкая, с музыкой, бабьим козлоглазием и возмутительной попойкой. Такая масса пестрых впечатлений, что нет возможности передать в письме, а приходится откладывать описание до возвращения в Москву. Невесте 16 лет. Венчали в местном соборе. Я шаферствовал в чужой фрачной паре, в широчайших штанах и без одной запонки, – в Москве такому шаферу дали бы по шее, но здесь я был эффектнее всех...

Девицы здесь – сплошная овца: если одна поднимется и выйдет из залы, то за ней потянутся и другие. Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело била меня веером по руке и говорила: «У, негодный!», причем не переставала сохранять испуганное выражение лица. Я научил ее говорить кавалерам: «Как ви наивны!»

Молодые, вероятно, в силу местного обычая, целовались каждую минуту, целовались взапас, так что их губы всякий раз издавали треск от сжатого воздуха, а у меня получался во рту вкус приторного изюма и делался спазм в левой икре. От их поцелуев воспаление на моей левой ноге стало сильнее».

«30 апр. Теплый вечер. Тучи, а потому зги не видно. В воздухе душно и пахнет травами.

Живу в Рагозиной Балке у Кравцова. Маленький домишко с соломенной крышей и сараи, сделанные из плоского камня. Три комнаты с глиняными полами, кривыми потолками и с окнами, отворяющимися снизу вверх... Стены увешаны ружьями, пистолетами, шашками и нагайками. Комоды, подоконники – все завалено патронами, инструментами для починки ружей, жестянками с порохом и мешочками с дробью. Мебель хромая и облупившаяся. Спать мне приходится на чахоточном диване, очень жестком и необитом...

Население: старик Кравцов, его жена, хорунжий Петр с широкими красными лампасами, Алеха, Хахко́ (т. е. Александр), Зойка, Нинка, пастух Никита и кухарка Акулина. Собак бесчисленное множество, и все до одной злые, бешеные, не дающие проходу ни днем, ни ночью. Приходится ходить под конвоем, иначе на Руси станет одним литератором меньше. Зовут собак так: Мухтар, Волчок, Белоножка, Гапка и т. д. Самый проклятый – это Мухтар, старый пес, на роже которого вместо шерсти висит грязная пакля. Он меня ненавидит и всякий раз, когда я выхожу из дому, с ревом бросается на меня.

Теперь о еде. Утром чай, яйца, ветчина и свиное сало. В полдень суп с гусем – жидкость, очень похожая на те помои, которые остаются после купанья толстых торговков, – жареный гусь с маринованным терном или индейка, жареная курица, молочная каша и кислое молоко. Водки и перцу не полагается. В 5 часов варят в лесу кашу из пшена и свиного сала. Вечером чай, ветчина и все, что уцелело от обеда. Пропуск: после обеда подают кофе, приготовляемый, судя по вкусу и запаху, из сжаренного кизяка.

Удовольствия: охота на дудаков, костры, поездки в Ивановку, стрельба в цель, травля собак, приготовление пороховой мякоти для бенгальских огней, разговоры о политике, постройка из камня башен и проч.

Главное занятие – рациональная агрономия, введенная юным хорунжим, выписавшим от Леухина на 5 р. 40 к. книг по сельскому хозяйству. Главная отрасль хозяйства – это сплошное убийство, не переставшее в течение дня ни на минуту. Убивают воробцов, ласточек, шмелей, муравьев, сорок, ворон, чтобы они не ели пчел; чтобы пчелы не портили цвета на плодовых деревьях, бьют пчел, а чтобы деревья эти не истощали почвы, вырубают деревья. И таким образом получается круговорот, хотя и оригинальный, но основанный на последних данных науки.

К одру отходим в 9 часов вечера. Сон тревожный, ибо на дворе воют Белоножки и Мухтары, а у меня под диваном неистово лает им в ответ Цетер. Будит меня стрельба: хозяева стреляют в окна из винтовок в какое-нибудь животное, наносящее вред хозяйству. Чтобы выйти ночью из дому, нужно будить хорунжего, иначе собаки изорвут в клочья, так что сон хорунжего находится в полной зависимости от количества выпитого мною накануне чая и молока.

Погода хорошая. Трава высока и цветет. Наблюдаю пчел и людей, среди которых я чувствую себя чем-то вроде Миклухи-Маклая. Вчера ночью была очень красивая гроза.

Что у нас тут роскошно, так это горы...

Недалеко шахты. Завтра рано утром еду в Ивановку (23 версты) за письмами, на дрогах и в одну лошадь...

Едим индюшачьи яйца. Индейки несутся в лесу на прошлогодних листьях. Кур, гусей, свиней и пр. тут не режут, а стреляют»³.

«11 май. С трепетом продолжаю. От Кравцова я поехал в Святые Горы. До Азовской дороги пришлось ехать по Донецкой от ст. Крестная до Краматоровки...

Я оказался настолько находчивым и сообразительным, что поездов не смешал и благополучно доехал до Краматоровки в 7 часов вечера. Здесь духота, угольный запах, дама жидовка с кислыми жиденятами и 1½ часа ожидания. Из Краматоровки по Азовской дороге еду в Славянск. Темный вечер. Извозчики отказываются везти ночью в Святые Горы и советуют переночевать в Славянске, что я и делаю весьма охотно, ибо чувствую себя разбитым и хромаю от боли, как 40 000 Лейкиных. От вокзала до города 4 версты за 30 коп. на линейке. Город – нечто вроде гоголевского Миргорода; есть парикмахерская и часовой мастер, стало быть, можно рассчитывать, что лет через 1000 в Славянске будет и телефон. На стенах и заборах развешаны афиши зверинца... на пыльных и зеленых улицах гуляют свинки, коровки

³ Стрельба непрерывная. (Примеч. Чехова.)

и прочая домашняя тварь. Дома выглядывают приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек, мостовые мягки, улицы широки, в воздухе пахнет сиренью и акацией; издали доносятся пение соловья, кваканье лягушек, лай, гармонийка, визг какой-то бабы... Остановился я в гостинице Куликова, где взял № за 75 коп. После спанья на деревянных диванах и корытах сладостно было видеть кровать с матрасом, рукомойник... В открытое настезь окно прут зеленые ветки, веет зефир... Потягиваясь и жмурясь, как кот, я требую поесть, и мне за 30 коп. подают здоровеннейшую, больше, чем самый большой шиньон, порцию ростбифа, который с одинаковым правом может быть назван и ростбифом, и отбивной котлетой, и бифштексом, и мясной подушечкой, которую я непременно подложил бы себе под бок, если бы не был голоден, как собака и Левитан на охоте.

Утром чудный день. Благодаря табельному дню (6 мая) и местном соборе звон. Выпускают из обедни. Вижу, как выходят из церкви квартальные, мировые, воинские начальники и прочие чины ангельстии. Покупаю на 2 коп. семечек и нанимаю за 6 рублей рессорную коляску в Святые Горы и (через 2 дня) обратно. Еду из города переулочками, буквально тонущими в зелени вишен, жерделей и яблонь. Птицы поют неутомно. Встречные хохлы, принимая меня, вероятно, за Тургенева, снимают шапки, мой возница Григорий Поленичка то и дело прыгает с козел, чтобы поправить сбрую или стегнуть по мальчишкам, бегущим за коляской... По дороге тянутся богомольцы. Всюду горы и холмы белого цвета, горизонт синевато-бел, рожь высока, попадаются дубовые леса – недостает только крокодилов и гремучих змей.

В Святые Горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх... Сосны буквально висят в воздухе и, того гляди, свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем, ни ночью...

Монахи, весьма симпатичные люди, дали мне весьма несимпатичный № с блинообразным матрасиком. Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев, из коих $\frac{8}{9}$ старухи. До сих пор я не знал, что на свете так много старух, иначе я давно бы уже застрелился... О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов и старух, сообщу в «Новом времени» и при свидании. Служба нескончаемая: в 12 часов ночи звонят к утрени, в 5 – к ранней обедне, в 9 – к поздней, в 3 – к акафисту, в 5 – к вечерне, в 6 – к правилам. Перед каждой службой в коридорах слышится плач колокольчика и бегущий монах кричит голосом кредитора, умоляющего своего должника заплатить ему хотя бы по пятаку за рубль:

– Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Пожалуйте к утрени!

Оставаться в № неловко, а потому встаешь и идешь... Я облюбовал себе местечко на берегу Донца и просиживал там все службы. Купил тетке Федосье Яковлевне икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно.

Звон замечательный. Певчие плохи. Участвовал в крестном ходе на лодках.

Прекращаю описание Святых Гор, ибо всего не опишешь, а только скомкаешь».

20 апреля. Прочитав в «Новом времени» рассказ «Миряне», П. И. Чайковский написал автору о «своей радости обрести такой свежий и самобытный талант».

18 мая. Вернувшись в Москву, Чехов уехал на лето в Бабкино.

6 июня, 14 июля. В «Новом времени» – степные рассказы «Счастье» и «Перекасти-поле (путевой набросок)».

Июль. Задумал роман. Рассказывал его сюжет А. С. Лазареву-Грузинскому.

Начало августа. Вышла книга «В сумерках. Очерки и рассказы» (в издательстве А. С. Суворина; переиздавалась до 1899 года 12 раз).

Отклики на книгу были в основном положительные (собраны в кн.: А. П. Чехов. В сумерках. М.: Наука, 1986. С. 257–377).

«Новый томик очерков и рассказов г. Чехова не составляет нового шага вперед со стороны автора. По-прежнему читателя приятно поражает в лучших из рассказов этого писателя теплое чувство, соединенное с чувством меры, и довольно тонкая ирония» (В. А. Гольцев).

«В сумерках задуманы автором его рассказы, но написаны они при ярком солнечном свете, ибо полны красок, образности, картинности, жизни и теплоты» (В. В. Билибин).

«Г-н Чехов талантливый человек, талант его своеобразен и симпатичен, но до сих пор достаточно выяснилась только одна сторона этого своеобразного и симпатичного таланта, сторона, для которой сам автор подсказывает характеристику заглавием своего нового сборника, – «сумеречное творчество». Именно сумеречное и, значит, пожалуй, полутворчество. Г-н Чехов только завязывает узлы и никогда их не развязывает» (Н. К. Михайловский).

Чехов отозвался о рецензиях: «Читаю и никак не могу понять, хвалят меня или же плачут о моей погибшей душе? «Талант! талант, но тем не менее упокой, Господи, его душу», – таков смысл рецензий».

29 августа. В «Новом времени» напечатан рассказ «Свирель».

Сентябрь. Передал издателям журнала «Сверчок», братьям Вернерам, 21 рассказ для сборника «Невинные речи». Книга вышла 27 октября.

Принял предложение Ф. А. Корша написать для его театра пьесу («Иванов»).

28 сентября. В «Петербургской газете» – рассказ «Беглец».

5 октября. Комедия «Иванов» закончена.

Октябрь. Спрашивал брата в письме, согласится ли Суворин напечатать в «Новом времени» роман, «не скучный, но в толстый журнал не годится, ибо в нем фигурируют председатель и члены военно-окружного суда, т. е. люди нелиберальные». Замысел остался неосуществленным; неизвестна и рукопись объемом в 1500 строк, упоминавшаяся в этом письме.

19 ноября. Премьера пьесы «Иванов» в театре Корша. Главную роль исполнял В. Н. Давыдов.

«Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать стольких споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия».

Газетные статьи о премьере тоже противоречивы: резкая рецензия «Московского листка» (П. Кичеев); положительная – в «Новом времени» (А. Д. Курепин); в основном сочувственная – в «Московских ведомостях»: автор «не справился со своим героем», «тем не менее пьеса смотрится с интересом и удовольствием, ибо при всей неопытности автора в ней сказывается талант и выведены живые лица» (С. В. Флеров; псевдоним С. Васильев).

29 ноября – 15 декабря. Чехов в Петербурге. Встречи с В. Г. Короленко, Н. К. Михайловским, И. Л. Леонтьевым (Щегловым), А. Н. Плещеевым, И. Е. Репиным.

5 декабря. В «Осколках» – рассказ «Лев и Солнце». Постоянное сотрудничество Чехова в журнале на этом прекратилось.

21 декабря. Рассказ «Мальчики» в «Петербургской газете».

25 декабря. В «Новом времени» – рассказ «В ученом обществе» («Каштанка»).

Всего в 1887 году в журналах и газетах было напечатано 64 рассказа Чехова.

1888

1 января – 2 февраля. Работа над повестью «Степь».

«Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику».

22 января. Написал рассказ «Спать хочется».

3 февраля. Намеревался, если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, продолжать ее (не осущ.).

8 февраля. А. Н. Плещеев, бывший членом редакции журнала «Северный вестник», написал о впечатлении от «Степи»: «Не мог оторваться, начавши читать... Короленко тоже... Это такая прелесть, такая бездна поэзии... Это вещь захватывающая, и я предсказываю Вам большую, большую будущность».

9 февраля. Написал А. Н. Плещееву, что уже готовы три листа романа.

10 февраля. Чехов на свадьбе у поэта И. А. Белоусова познакомился с Н. Д. Телешовым.

15 февраля. Критик Н. К. Михайловский в письме убеждал Чехова разорвать с «Новым временем», «Осколками» и пр.

«Читая «Степь»⁴, я все время думал, какой грех Вы совершали, разрываясь на клочки, и какой это будет уж совсем страшный, незамолимый грех, если Вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует».

Около 20 февраля. Чехов написал водевиль «Медведь».

Начало марта. В журнале «Северный вестник» напечатана «Степь».

«Гаршин от нее без ума. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти» (А. Н. Плещеев – Чехову, 10 марта 1888 г.).

14–21 марта. Чехов в Петербурге. Договорился с А. С. Сувориным об издании новой книги рассказов.

24 марта. Материал для сборника «Рассказы» отправлен в Петербург.

Март – июль. Многочисленные отзывы о «Степи» в газетах и журналах.

Общее мнение критики: повесть «скучна», представляет собою цепь картинок, «вставленных в слишком просторную раму», Чехов не сладил с большой художественной формой. Не обнаружив в «Степи» ясно выраженной идеи, связанной с каким-нибудь лицом, критика упрекала автора в том, что «все персонажи повествования связаны между собою чисто внешним образом». Глубоко новаторская по своему характеру повесть, поставленная в рамки традиционных представлений и тривиального литературного вкуса, воспринималась как вещь неудавшаяся. «И я не знаю зрелища печальнее, чем этот даром пропадающий талант» (Н. К. Михайловский). Возникла идея о пантеизме Чехова – поклонении стихийной природе.

Бесспорные художественные достоинства «Степи» заставили некоторых критиков говорить о высокой традиции, какой следовал Чехов, и сравнивать его с Гоголем, Тургеневым, Львом Толстым.

9 апреля. Чехов – А. Н. Плещееву: «Я давно уже печатаюсь, напечатал пять пудов рассказов, но до сих пор еще не знаю, в чем моя сила и в чем слабость».

5 мая. Уехал в Харьковскую губернию – имение Линтваревых на Луке близ Сум.

Летом путешествовал по Украине.

Май. Вышла в свет книга «Рассказы» (СПб., изд.

А. С. Суворина, 1888. До 1899 года переиздавалась еще 12 раз).

10 июля. Уехал в Феодосию, на дачу к Сувориным.

Июль. Задумал пьесу «Леший», предполагая писать ее вместе с А. С. Сувориным.

⁴ В корректуре. – Ред.

Знакомство с художником И. К. Айвазовским.

23 июля. Уехал на Кавказ. Посетил монастырь Новый Афон, Сухум, Поты, Батум, Тифлис, Баку.

13 августа. Решил, что роман «будет кончен года через три-четыре».

3 сентября. Возвратился в Москву.

Сентябрь – декабрь. Усиленная работа над рассказами «Именины», «Припадок» (для сборника «Памяти В. М. Гаршина»), «Княгиня». Переделал комедию «Иванов» в драму – в связи с предстоящей постановкой на сцене Петербургского Александринского театра; начал рассказ, превратившийся позднее в повесть «Дуэль».

4 октября. Отправив в «Северный вестник» рассказ «Именины», изложил в письме к А. Н. Плещееву свою позицию: «Я не либерал, не консерватор, не постепенец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им... Мое святая святых – это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

7 октября. Чехову присуждена академическая Пушкинская премия за сборник «В сумерках».

Мысль о премии подал поэт Я. П. Полонский, поддержали А. С. Суворин и Д. В. Григорович. Отзыв о книге дал академик А. Ф. Бычков.

20 октября. По поводу Пушкинской премии в письме А. С. Лазареву (Грузинскому): «Все мною написанное забудется через 5—10 лет; но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы...»

24 октября. Отправил в «Новое время» статью-некролог о Н. М. Пржевальском. С восхищением отзывался в ней о людях подвига, веры и ясно осознанной цели: «...таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно».

Конец октября. Написан водевиль «Предложение».

28 октября. Премьера «Медведя» в театре Корша. Большой успех: «...в театре стоял непрерывный хохот».

Декабрь. В Петербурге. Знакомство с П. И. Чайковским.

30 декабря. Подробное письмо А. С. Суворину об «Иванове», конфликте пьесы и ее персонажах.

В 1888 году в журналах и газетах было напечатано 12 рассказов, повестей и статей Чехова.

1889

1 января. В «Новом времени» – рассказ «Пари».

7 января. Письмо А. С. Суворину о необходимости для писателя чувства личной свободы. «Это чувство стало разгораться во мне только недавно».

31 января. Присутствовал на первом представлении пьесы «Иванов» в Александринском театре. Шумный успех; восторженные рецензии в газетах «Новое время», «Неделя», «Петербургская газета».

Начало февраля. Вернувшись в Москву, готовит к изданию новую книгу – «Хмурые люди».

«Черкаю безжалостно. Странное дело, у меня теперь мания на все короткое. Что я ни читаю – свое и чужое, все представляется мне недостаточно коротким».

Март. Работа над пьесой «Леший».

Пьеса «Иванов» напечатана в «Северном вестнике».

Работа над романом «Рассказы из жизни моих друзей» (каждый рассказ под своим заглавием).

7 марта. В письме литератору В. А. Тихонову – суждение о современных писателях: «Всех нас будут звать не Чехов, не Тихонов, не Короленко, не Щеглов, не Баранцевич, не Бежецкий, а «восемьдесятые годы» или «конец XIX столетия». Некоторым образом, артель».

До 18 марта. Вышла из печати книга «Детвора» (СПб., изд. А. С. Суворина; до 1899 года, когда началось издание собрания сочинений, переиздавалась два раза). Включены рассказы: «Детвора», «Ванька», «Событие», «Кухарка женится», «Беглец», «Дома».

26 марта. В «Новом времени» напечатан рассказ «Княгиня».

9 апреля. В письме А. Н. Плещееву – о романе, который Чехов намеревался ему посвятить: «Цель моя – убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и кстати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы...»

23 апреля. Уехал с больным братом Николаем в усадьбу Линтваревых – Луку (близ Сум).

4 мая. Признание в письме А. С. Суворину: «Ни с того ни с сего, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару... В душе какой-то застой. Объясняю это застою в своей личной жизни».

14 мая. В письме А. Н. Плещееву – о смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочный дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага...»

3 июля. После смерти брата Николая (17 июня) уехал в Одессу: приглашали артисты Малого театра, гастролировавшие там.

15 июля. Отменив намерение ехать за границу, отправился в Ялту. Работа над пьесой «Леший» и повестью «Скучная история» (первоначально «Мое имя и я»).

Прочитал рассказ Е. М. Шавровой «Софка» и, отредактировав, послал его в «Новое время».

Частые поездки в окрестности Ялты – Ливадию, Ореанду, Алупку, Симеиз, Мисхор, лесничество, водопад Учанс-Су. Ездил также в Бахчисарай, на Яйлу, в Балаклаву, Алушту, маяк Ай-Тодор, в Исар.

11 августа. Вернулся на Луку.

5 сентября. Возвратился в Москву.

Август – сентябрь. Закончена «Скучная история».

27 сентября. А. Н. Плещеев отозвался в письме о «Скучной истории»: «У Вас еще не было ничего столь сильного и глубокого, как эта вещь».

9 октября. Пьеса «Леший» отклонена к представлению на сценах императорских театров «неофициальным театральным комитетом» в силу несценичности: «Это прекрасная драматизированная повесть, а не драматическое произведение».

Октябрь. Переделывал рассказы для сборника «Хмурые люди». Написал П. И. Чайковскому, прося разрешения посвятить книгу ему.

14 октября. У Чехова – П. И. Чайковский. Обсуждали либретто оперы «Бэла» (замысел не осуществился).

Конец октября. Написал пьесу «Свадьба» (переделка рассказа «Свадьба с генералом»).

Ноябрь. Повесть «Скучная история (Из записок старого человека)» напечатана в «Северном вестнике».

Н. К. Михайловский считал, что это «лучшее и значительнейшее из всего, что до сих пор написал Чехов». Л. Е. Оболенский (псевдоним – Созерцатель) находил, что центральная в повести проблема – проблема «общей идеи»: «...без веры, без руководящей идеи жить нельзя». Многие критики обвиняли Чехова в пессимизме, приписывая самому автору «задумчиво-меланхолическое настроение», хандру и апатию старого профессора.

Ноябрь – декабрь. Редактировал рукописи разных авторов, присылаемые из «Нового времени» – «гимнастика для ума».

27 декабря. Премьера пьесы «Леший» в частном театре М. М. Абрамовой (театр Общества русских драматических артистов).

В периодической печати – отрицательные рецензии.

Конец декабря. У Чехова возникло решение отправиться на остров Сахалин. Началась подготовка к поездке.

1890

Начало января. Уехал в Петербург – по делам, связанным с поездкой на Сахалин.

По мнению Чехова, каторгу «надо видеть, непременно видеть, изучить самому. В ней, может быть, одна из самых ужасных нелепостей, до которых мог додуматься человек со своими условными понятиями о жизни и правде».

11 января. На представлении драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы» в доме Приселковых (пьеса Толстого была запрещена к постановке на сцене): «Хорошо».

До 17 января. Читал литографированный оттиск «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого: «Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная... но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль».

26 января. Московская газета «Новости дня» сообщала: «Сенсационная новость. А. П. Чехов предпринимает путешествие по Сибири с целью изучения быта каторжников. Прием совершенно новый у нас... Это первый из русских писателей, который едет в Сибирь и обратно».

9 марта. Собираясь на Сахалин, в письме А. С. Суворину, споря с ним, изложил мотивы поездки: «Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе».

17 марта. Закончил (переделал) пьесу «Леший» и отправил ее в «Северный вестник» (А. Н. Плещееву).

Конец марта. Вышел сборник «Хмурые люди», с посвящением П. И. Чайковскому (СПб., изд. А. С. Суворина; до 1899 года переиздавался 9 раз).

Н. К. Михайловский откликнулся на него в статье «Письма о разных разностях» («Русские ведомости», 18 апр.): «Нет, не «хмурых людей» надо бы поставить в заглавие всего этого сборника, а вот разве «холодную кровь»: г. Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает».

1 апреля. В газете «Новое время» – рассказ «Воры».

10 апреля. Прочитав в журнале «Русская мысль» (№ 3) анонимную статью (принадлежала Е. С. Щепотьевой), где он вместе с Ясинским названы «жрецами беспринципного писания», отправил письмо редактору В. М. Лаврову: «Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был... Обвинение Ваше – клевета...»

Путешествие на Сахалин

21 апреля. Отъезд на Сахалин.

Маршрут: до Ярославля – по железной дороге, до Перми – паромом по Волге и Каме; затем на лошадях, в лодках, на пароходах – Екатеринбург, Тюмень, Ишим, Кратный Яр, Дубровин, Томск, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Канск, Иркутск, станция Лиственичная на берегу Байкала, Верхнеудинск, Чита, Нерчинск, Сретенск, Амур, Благовещенск, Хабаровск, Николаевск, мыс Джаор, Татарский пролив, бухта Де-Кастри на Сахалине, Александровский пост.

Об этом путешествии по самой далекой российской дороге – через Урал, через всю Сибирь, через земли Дальнего Востока – близкие думали с тревогой. Знали о недавних легочных кровотечениях, о тяжелой неизлечимой болезни, – тысячеверстное бездорожье, одиночество, холод, плохая еда могли лишь усилить ее. Позднее А. Измайлов, первый серьезный биограф Чехова, писал: «Может быть, нельзя сказать, как думали многие, что именно за эту поездку он расплатился ранней смертью, но она, без сомнения, далась ему тяжело и явилась подробностью биографии безусловно неблагоприятною и едва ли нужною».

Смысл этого путешествия оставался неясным, и, как всегда бывает в подобных случаях, выдвигались – и выдвигаются в наши дни – разнообразные домыслы и догадки. Почему? Через всю Россию с тяжелой болезнью легких – зачем? Писали, например, что Сахалин был для Чехова «своего рода Италией», где он хотел довершить свое понимание русской жизни. Вспоминалась литературная традиция – «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат «Паллада» Гончарова, но ясно было, что и традиция у Чехова другая – ничего не было общего между Италией и Сахалином, где «все в дыму, как в аду», да и предшественники его отправлялись совсем в другую сторону – в иные страны, к иным островам...

Чехов не похож на обычного писателя, затворника и книгочех. Он был подвижен, легок на подъем. Страсть к путешествиям и странничеству была у него в крови; никогда ничего лишнего ни в одежде, ни в быту: все мое ношу с собой. Дорога, дорожные сюжеты, попутные впечатления, столь обычные в его творчестве, – все это появлялось в постоянном общении с великим российским пространством.

«Мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски, – писал Чехов А. С. Суворину 9 марта 1890 года, – мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст...»

Этот путь он прошел и сам: в его записных книжках есть помета, объясняющая, зачем это было нужно. «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья; если же оно проистекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то».

«Я сам себя командую, на собственный счет. На Сахалине много медведей и беглых, так что в случае, если мною пообедают господа звери или зарежет какой-нибудь бродяга, то прошу не поминать лихом» (5 марта).

«Итак, значит, дорогой мой, я уезжаю в среду или, самое большое, в четверг. До свиданья до декабря. Счастливо оставаться. Деньги я получил, большое Вам спасибо, хотя полторы тысячи много, не во что их положить, а на покупки в Японии у меня хватило бы денег, ибо я собрал достаточно».

У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей, кроме зубной боли, которая у меня непременно будет в дороге. Так как, если говорить о документах, я вооружен одним только паспортом и ничем другим, то возможны

неприятные столкновения с предрезающими властями, но это беда преходящая. Если мне чего-нибудь не покажут, то я просто напишу в своей книге, что мне не показали – и баста, а волноваться не буду. В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги» (15 апреля).

По дороге вел дневник, а в Томске написал и отправил в Петербург первые очерки «По Сибири» (последующие – из Благовещенска). Ниже в выдержках приводятся письма, посылавшиеся по пути через Сибирь и земли Дальнего Востока.

«Друзья мои тунгусы! Кама прескучнейшая река... Звуки береговых гармоник кажутся унылыми, фигуры в рваных тулупах, стоящие неподвижно на встречных баржах, представляются застывшими от горя, которому нет конца...

В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно. Остановился я в Американской гостинице (очень недурной)...

Здесьние люди внушают приезжему нечто вроде ужаса. Скуластые, лобастые, широкоплечие, с маленькими глазами, с громадными кулачищами. Родятся они на местных чугунолитейных заводах, и при рождении их присутствует не акушер, а механик. Входит в номер с самоваром или с графином и, того гляди, убьет. Я сторонюсь. Сегодня утром входит один такой – скуластый, лобастый, угрюмый, ростом под потолок, в плечах сажень, да еще к тому же в шубе.

Ну, думаю, этот непременно убьет. Оказалось, что это А. М. Симонов. Разговорились. Он служит членом в земской управе, директорствует на мельнице своего кузена, освещаемой электричеством, редактирует «Екатеринбургскую неделю», цензуруемую полицеймейстером бароном Таубе, женат, имеет двух детей, богатеет, толстеет, стареет и живет «основательно». Говорит, что скучать некогда. Советовал мне побывать в музее, на заводах, на приисках; я поблагодарил за совет. Пригласил он меня на завтра к вечеру чай пить; я пригласил его к себе обедать...

Сижу и жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал я так: «Тюмень. Пароходство Курбатова. Ответ уплачен. Уведомьте, когда идет пассажирский пароход «Томск» и т. д. От ответа зависит, поеду ли я на пароходе или же поскачу 1¹/₂ тысячи верст на лошадях, по распутице.

Всю ночь здесь бьют в чугунные доски. На всех углах. Надо иметь чугунные головы, чтобы не сойти с ума от этих неумолкающих курантов. Сегодня попробовал сварить себе кофе: получилось матрасинское вино. Пил и только плечами пожимал» (29 апреля).

«Куда я попал? Где я? Кругом пустыня, тоска; виден голый, угрюмый берег Иртыша... Въезжаем в самое большое озеро; теперь уж охотно бы вернулся, да трудно... Едем по длинной, узкой полоске земли... Полоска кончается, и мы бултых! Потом опять полоска, опять бултых... Руки заоченели... А дикие утки точно смеются и огромными стаями носятся над головой... Темнеет... Ямщик молчит – растерялся... Но вот, наконец, выезжаем к последней полоске, отделяющей озера от Иртыша... Отлогий берег Иртыша на аршин выше уровня; он глинист, гол, изгрызен, склизок на вид... Мутная вода... Белые волны хлещут по глине, а сам Иртыш не ревет и не шумит, а издает какой-то странный звук, похожий на то, как будто под водой стучат по гробам... Тот берег – сплошная, безотрадная пустыня... Вам снился часто Божаровский омут; так мне теперь будет сниться Иртыш...

Но вот и паром. Надо переправляться на ту сторону. Выходит из избы мужик и, пожимаясь от дождя, говорит, что паромом плыть нельзя теперь, так как слишком ветрено... (Паромы здесь весельные.) Советует обождать тихой погоды...

И вот я сижу ночью в избе, стоящей в озере на самом берегу Иртыша, чувствую во всем теле промозглую сырость, а на душе одиночество, слушаю, как стучит по гробам мой Иртыш, как ревет ветер, и спрашиваю себя: где я? зачем я здесь?

В соседней комнате спят мужики-перевозчики и мой ямщик. Люди добрые. А будь они злые, меня можно было бы отлично ограбить и утопить в Иртыше. Изба – солистка на берегу, свидетелей нет...

Дорога до Томска в разбойничьем отношении совершенно безопасна. О грабежах не принято даже говорить. Даже краж у проезжающих не бывает; уходя в избу, можете оставлять вещи на дворе, и они все будут целы.

Но меня все-таки чуть было не убили. Представьте себе ночь перед рассветом... Я еду на тарантасике и думаю, думаю... Вдруг вижу, навстречу во весь дух несется почтовая тройка; мой конница едва успеваешь свернуть вправо, тройка мчится мимо, и я усматриваю в ней обратного ямщика... Вслед за ней несется другая тройка, тоже во весь дух; свернули мы вправо, она сворачивает влево; «сталкиваемся!» – мелькает у меня в голове... Одно мгновение – и раздается треск, лошади мешаются в черную массу, мой тарантас становится на дыбы, и я валюсь на землю, а на меня все мои чемоданы и узлы... Вскакиваю и вижу – несется третья тройка...

Должно быть, накануне за меня молилась мать. Если бы я спал или если бы третья тройка ехала тотчас же за второй, то я был бы изломан насмерть или изувечен. Оказалось, что передний ямщик погнался лошадей, а ямщики на второй и на третьей спали и нас не видели. После крушения глупейшее недоумение с обеих сторон, потом жестокая ругань... Сбруи разорваны, оглобли сломаны, дуги валяются на дороге... Ах, как ругаются ямщики! Ночью, в этой ругающейся, буйной орде я чувствую такое круглое одиночество, какого раньше никогда не знал...» (7 мая).

«Ехали мы к Байкалу по берегу Ангары, которая берет начало из Байкала и впадает в Енисей... Берега живописные. Горы и горы, на горах сплошную леса. Погода была чудная, тихая, солнечная, теплая; я ехал и чувствовал почему-то, что я необыкновенно здоров; мне было так хорошо, что и описать нельзя. Это, вероятно, после сиденья в Иркутске и оттого, что берег Ангары на Швейцарию похож. Что-то новое и оригинальное. Ехали по берегу, доехали до устья и повернули влево; тут уже берег Байкала, который в Сибири называется морем. Зеркало. Другого берега, конечно, не видно: 90 верст. Берега высокие, крутые, каменистые, лесистые; направо и налево видны мысы, которые вдаются в море вроде Аю-Дага или феодосийского Тохтабеля. Похоже на Крым. Станция Лиственничная расположена у самой воды и поразительно похожа на Ялту; будь дома белые, совсем была бы Ялта. Только на горах нет построек, так как горы слишком отвесны и строиться на них нельзя.

Заняли мы квартиру-сарайчик...» (13 июня).

«Здравствуйте, милые домочадцы! Наконец-таки я могу снять тяжелые, грязные сапоги, потертые штаны и лоснящуюся от пыли и пота синюю рубаху, могу умыться и одеться по-человечески. Я уж не в тарантасе сижу, а в каюте I класса амурского парохода «Ермак». Перемена такая произошла десятью днями раньше, и вот по какой причине. Я писал Вам из Лиственничной, что к байкальскому пароходу я опоздал, что придется ехать через Байкал не во вторник, а в пятницу и что успею я поэтому к амурскому пароходу только 30 июня. Но судьба капризна и часто устраивает фокусы, каких не ждешь. В четверг утром я пошел прогуляться по берегу Байкала; вижу – у одного из двух пароходишек дымится труба. Спрашиваю: куда идет пароход? Говорят, «за море», в Ключево; какой-то купец нанял, чтобы перевезти на тот берег свой обоз. Нам нужно тоже «за море» и на станцию Боярскую. Спрашиваю: сколько верст от Ключева до Боярской? Отвечают: 27. Бегу к спутникам и прошу их рискнуть поехать в Ключево. Говорю «рискнуть», потому что, поехав в Ключево, где нет ничего, кроме пристани и избушки сторожа, мы рисковали не найти лошадей, засидеться в Ключево и опоздать к пятничному пароходу, что для нас было бы пуще Игоровой смерти,

так как пришлось бы ждать до вторника. Спутники согласились. Забрали мы свои пожитки, веселыми ногами зашагали к пароходу и тотчас же в буфет: ради Создателя супу! Полцарства за тарелку супу! Буфетик препоганенький, выстроенный по системе тесных ватерклозетов, но повар Григорий Иваныч, бывший воронежский дворовый, оказался на высоте своего призвания. Он накормил нас превосходно. Погода была тихая, солнечная. Вода на Байкале бирюзовая, прозрачнее, чем в Черном море. Говорят, что на глубоких местах дно за версту видно; да и сам я видел такие глубины со скалами и горами, утонувшими в бирюзе, что мороз драл по коже. Прогулка по Байкалу вышла чудная, во веки веков не забуду. Только вот что было нехорошо: ехали мы в III классе, а вся палуба была занята обозными лошадьми, которые неистовствовали как бешеные. Эти лошади придавали поездке моей особый колорит: казалось, что я еду на разбойничьем пароходе. В Ключеве сторож взялся довести наш багаж до станции; он ехал, а мы шли позади телеги пешком по живописнейшему берегу. Скотина Левитан, что не поехал со мной. Дорога лесная: направо лес, идущий на гору, налево лес, спускающийся вниз к Байкалу. Какие овраги, какие скалы! Тон у Байкала нежный, теплый. Было, кстати сказать, очень тепло. Пройдя 8 верст, дошли мы до Мысканской станции, где кяхтинский чиновник, проезжий, угостил нас превосходным чаем и где нам дали лошадей до Боярской. Итак, вместо пятницы мы уехали в четверг; мало того, мы на целые сутки вперед ушли от почты, которая забирает обыкновенно на станциях всех лошадей. Стали мы гнать в хвост и гриву, питая слабую надежду, что к 20-му попадем в Сретенск. О том, как я ехал по берегу Селенги и потом через Забайкалье, расскажу при свидании, а теперь скажу только, что Селенга – сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уж Полтавская губерния – и так всю тысячу верст. Верхнеудинск миленький городок, Чита плохой, вроде Сум. О сне и об обедах, конечно, некогда было и думать. Скачешь, меняешь на станциях лошадей и думаешь только о том, что на следующей станции могут не дать лошадей и задержат на 5–6 часов. Делали в сутки 200 верст – больше летом нельзя сделать. Обалдели. Жарища к тому же страшная, а ночью холод, так что нужно было мне сверх суконного пальто надевать кожаное; одну ночь ехал даже в полушубке. Ну-с, ехали, ехали и сегодня утром прибыли в Сретенск, ровно за час до отхода парохода, заплативши ямщикам на двух последних станциях по рублю на чай.

Итак, конно-лошадиное странствие мое кончилось. Продолжалось оно 2 месяца (выехал я 21 апреля). Если исключить время, потраченное на железные дороги и пароходы, 3 дня, проведенные в Екатеринбурге, неделю в Томске, день в Красноярске, неделю в Иркутске, два дня у Байкала и дни, потраченные на ожидание лодок во время разлива, то можно судить о быстроте моей езды. Проехал я благополучно, как дай Бог всякому. Я ни разу не был болен и из массы вещей, которые при мне, потерял только перочинный нож, ремень от чемодана и баночку с карболовой мазью. Деньги целы. Проехать так тысячи верст редко кому удастся» (20 июня).

«Я писал уже Вам, что мы сидим на мели. У Усть-Стрелки, где Шилка сливается с Аргунью (зри карту), пароход, сидящий в воде 2 $\frac{1}{2}$ фута, налетел на камень, сделал несколько пробоин и, набрав в трюм воды, сел на дно. Стали выкачивать воду и класть латки; голый матрос лезет в трюм, стоит по шею в воде и нащупывает пятками дыры; всякую дыру покрывают изнутри сукном, вымазанным в сале, кладут сверху доску и ставят на последней подпорку, которая, подобно колонне, упирается в потолок, – вот и починка. Выкачивали с 5 часов вечера до ночи, но вода все не убывала; пришлось отложить работу до утра... Сегодня продолжаем починяться. Обещает капитан, что пойдем после обеда, но обещает лениво, глядя куда-то в сторону, – очевидно, врет. Не спешим. Когда я спросил одного пассажира, когда же мы наконец пойдем дальше, то он спросил:

– А разве вам здесь плохо?

И то правда. Почему не стоять, коли не скучно?..

Какие странные разговоры! Только и говорят о золоте, о приисках, о добровольном флоте, об Японии. В Покровской всякий мужик и даже поп добывают золото. Этим же занимаются и поселенцы, которые богатеют здесь так же быстро, как и беднеют. Есть чуйки, которые не пьют ничего, кроме шампанского, и в кабаки ходят не иначе, как только по кумачу, который расстилается от избы вплоть до кабака...

Амур чрезвычайно интересный край. До чертиков оригинален. Жизнь тут кипит такая, о какой в Европе и понятия не имеют. Она, т. е. эта жизнь, напоминает мне рассказы из американской жизни. Берега до такой степени дики, оригинальны и роскошны, что хочется навеки остаться тут жить. Последние строчки пишу уж 25 июня. Пароход дрожит и мешает писать. Опять плывем. Проплыл я уже по Амуру 1000 верст и видел миллион роскошных пейзажей; голова кружится от восторга. Видел я такой утес, что если бы у подножия его Кундасова вздумала окисляться, то она бы умерла от удовольствия, и если бы мы с Софьей Петровной Кувшинниковой во главе устроили здесь пикник, то могли бы сказать друг другу: умри, Денис, лучше не напишешь. Удивительная природа. А как жарко! Какие теплые ночи! Утром бывает туман, но теплый.

Я осматриваю берега в бинокль и вижу чертову пропасть уток, гусей, гагар, цапель и всяких бестий с длинными носами. Вот бы где дачу нанять!

Вчера в местечке Рейнове пригласил меня к больной жене некий золотопромышленник. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачку ассигнаций. Мне стало стыдно, я начал отказываться и сунул деньги назад, говоря, что я сам очень богат; разговаривали долго, убеждая друг друга, и все-таки в конце концов у меня в руке осталось 15 рублей. Вчера же в моей каюте обедал золотопромышленник с лицом Пети Полеваева; за обедом он вместо воды пил шампанское и угощал им нас.

Деревни здесь такие же, как на Дону; разница есть в постройках, но не важная. Жители не исполняют постов и едят мясо даже в Страстную неделю; девки курят папиросы, а старухи трубки – это так принято. Странно бывает видеть мужичек с папиросами. А какой либерализм! Ах, какой либерализм!

На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан. Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?» (23–26 июня).

«Здравствуйте, драгоценный мой! Амур очень хорошая река; я получил от него больше, чем мог ожидать, и давно уже хотел поделиться с Вами своими восторгами, но каналский пароход дрожал все семь дней и мешал писать. К тому же еще описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею; пасую перед ними и признаю себя нищим. Ну как их опишешь? Представьте себе Сурамский перевал, который заставили быть берегом реки, – вот Вам и Амур. Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналов, и сплошная пустыня. Налево русский берег, направо китайский. Хочу – на Россию гляжу, хочу – на Китай. Китай так же пустынен и дик, как и Россия: села и сторожевые избушки попадаются редко. В голове у меня все перепуталось и обратилось в порошок; и немудрено, Ваше превосходительство! Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Право, столько видел богатства и столько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно...

Я в Амур влюблен; охотно бы пожил на нем года два. И красиво, и просторно, и свободно, и тепло. Швейцария и Франция никогда не знали такой свободы. Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем самый первый генерал в России. Если бы Вы тут пожили, то написали бы очень много хорошего и увлекли бы публику, а я не умею.

Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. Это добродушнейший народ...

С Благовещенска начинаются японцы или, вернее, японки. Это маленькие брюнетки с большой мудреной прической, с красивым туловищем и, как мне показалось, с короткими бедрами. Одеваются красиво. В языке их преобладает звук «тц»...

Когда я одного китайца позвал в буфет, чтобы угостить его водкой, то он, прежде чем выпить, протягивал рюмку мне, буфетчику, лакеям и говорил: кусай! Это китайские церемонии. Пил он не сразу, как мы, а глоточками, закусывая после каждого глотка, и потом, чтобы поблагодарить меня, дал мне несколько китайских монет. Ужасно вежливый народ. Одеваются бедно, но красиво, едят вкусно, с церемониями.

Китайцы возьмут у нас Амур – это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепости строят. По Амуру живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Нерасчетливо и неумно. Впрочем, о политике после, при свидании.

Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдется. Перевод денег можно устраивать не только в Нью-Йорк, но и во Владивосток, через Иркутск, Сибирский банк, где меня принимали ужасно любезно. Деньги у меня еще не вышли, хотя я трачу безбожно. На коляске я потерпел больше 160 рублей убытку, и спутники мои, поручики, взяли у меня больше ста рублей. Но едва ли все-таки понадобится перевод. Если будет нужда, то обращусь к Вам своевременно.

Я совершенно здоров. Судите сами, ведь уж больше двух месяцев я пребываю день и ночь под открытым небом. А сколько гимнастики!» (27 июня).

11 июля – 13 октября. На Сахалине. Осматривал тюрьмы, знакомился (заполнял статистические карты) с каждым находившимся на острове, оказывал посильную помощь.

«Здравствуйте! Плыву по Татарскому проливу из Северного Сахалина в Южный. Пишу и не знаю, когда это письмо дойдет до Вас. Я здоров, хотя со всех сторон глядит на меня зелеными глазами холера, которая устроила мне ловушку. Во Владивостоке, Японии, Шанхае, Чифу, Суэце и, кажется, даже на Луне – всюду холера, везде карантин и страх. На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак. Во Владивостоке мрут европейцы, умерла, между прочим, одна генеральша.

Прожил я на Сев. Сахалине ровно два месяца. Принят я был местной администрацией чрезвычайно любезно, хотя Галкин не писал обо мне ни слова. Ни Галкин, ни баронесса Выхухоль, ни другие гении, к которым я имел глупость обращаться за помощью, никакой помощи мне не оказали; пришлось действовать на собственный страх.

Сахалинский генерал Кононович интеллигентный и порядочный человек. Мы скоро спелись, и все обошлось благополучно. Я привезу с собою кое-какие бумаги, из которых Вы увидите, что условия, в которые я был поставлен с самого начала, были благоприятнейшими. Я видел *все*; стало быть, вопрос теперь не в том, *что* я видел, а *как* видел.

Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною немало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгою, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не приметил.

Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю немало надежд.

У Ландсберга я обедал, у бывшей баронессы Гембрук сидел в кухне... Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетьюми, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла. Беседовал с прикованными к тачкам. Когда однажды в руднике я пил чай, бывший петербургский купец Бородавкин, присланный сюда за поджог, вынул из кармана чайную ложку и подал ее мне, а в итоге я расстроил себе нервы и дал себе слово больше на Сахалин не ездить.

Написал бы Вам больше, но в каюте сидит барыня, неугомонно хохочущая и болтающая. Нет сил писать. Хохочет и трещит она со вчерашнего вечера.

Это письмо пойдет через Америку, а я поеду, должно быть, не через Америку. Все говорят, что американский путь дороже и скучнее.

Завтра я буду видеть издали Японию, остров Матсмай. Теперь 12-й час ночи. На море темно, дует ветер. Не пойму, как это пароход может ходить и ориентироваться, когда зги не видно, да еще в таких диких, мало известных водах, как Татарский пролив.

Когда вспоминаю, что меня отделяет от мира 10 тысяч верст, мною овладевает апатия. Кажется, что приеду домой через сто лет» (11 сентября).

За три с небольшим месяца Чехов обошел все сахалинские тюрьмы и поселения за исключением нескольких камер, где отбывали срок политические – к ним писателя не пустили. Можно сказать, что он был лично знаком с каждым русским каторжником, он видел даже легендарную Соньку Золотую Ручку.

13 октября – 2 декабря. Возвращение морем – из Владивостока, через Гонконг, Сингапур, Коломбо, Индийский океан, Суэцкий пролив, Константинополь в Одессу.

9 декабря. Прибыл в Москву. В письме к А. С. Суворину рассказал о пребывании на Сахалине:

«Здравствуйте, мой драгоценный! Ура! Ну вот наконец я опять сижу у себя за столом, молюсь своим линияющим пенатам и пишу к Вам. У меня теперь такое хорошее чувство, как будто я совсем не уезжал из дому. Здоров и благополучен до мозга костей. Вот Вам кратчайший отчет. Пробыл я на Сахалине не 2 месяца, как напечатано у Вас, а 3 плюс 2 дня. Работа у меня была напряженная; я сделал полную и подробную перепись всего сахалинского населения и видел *все*, кроме смертной казни. Когда мы увидимся, я покажу Вам целый сундук всякой каторжной всячины, которая, как сырой материал, стоит чрезвычайно дорого. Знаю я теперь очень многое, чувство же привез я с собою нехорошее. Пока я жил на Сахалине, моя утроба испытывала только некоторую горечь, как от прогорклого масла, теперь же, по воспоминаниям, Сахалин представляется мне целым адом. Два месяца я работал напряженно, не щадя живота, в третьем же месяце стал изнемогать от помянутой горечи, скуки и от мысли, что из Владивостока на Сахалин идет холера и что я таким образом рискую прозимовать на каторге. Но, слава Небесам, холера прекратилась, и 13 октября пароход увез меня из Сахалина. Был я во Владивостоке. О Приморской области и вообще о нашем восточном побережье с его флотами, задачами и тихоокеанскими мечтаниями скажу только одно: вопиющая бедность! Бедность, невежество и ничтожество, могущие довести до отчаяния. Один честный человек на 99 воров, оскверняющих русское имя... Японию мы миновали, ибо в ней холера; посему я не купил Вам ничего японского, и 500 рублей, выданные мне на покупки, истратил на собственные нужды, за что Вы по закону имеете право сослать меня в Сибирь

на поселение. Первым заграничным портом на пути моем был Гонг-Конг. Бухта чудная, движение на море такое, какого я никогда не видел даже на картинках...

Когда вышли из Гонг-Конга, нас начало качать. Пароход был пустой и делал размахи в 38 градусов, так что мы боялись, что он опрокинется. Морской болезни я не подвержен – это открытие меня приятно поразило. По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море. Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и Вашего покорнейшего слуги скот убили и бросили в море.

Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон – место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами... От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорош Божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забулдыга муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний – нахальство и самомнение паче меры, вместо труда – лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное – надо быть справедливым, а остальное все приложится».

23 декабря. Послал в «Новое время» рассказ «Гусев», начатый на Цейлоне (напечатан 25 декабря).

1891

8—29 января. В Петербурге.

«Делаю визиты и выдаюсь с знакомыми. Приходится говорить про Сахалин и Индию».

Встреча с известным судебным деятелем А. Ф. Кони. Чехов высказал свои мысли о том, как улучшить положение сахалинских детей.

Февраль – март. Вернувшись в Москву, собрал и отправил на Сахалин книги, школьные программы (7 ящиков книг – 2200 экз.).

Подготовил новое издание «Пестрых рассказов», вернулся к повести «Дуэль».

Первая поездка за границу

17 марта. Отъезд за границу (вместе с А. С. Сувориным).

Посетил Вену, Венецию, Болонью, Флоренцию, Рим, Неаполь, Помпею, Ниццу, Монте-Карло, Париж.

По возвращении в Россию пронесся слух, что в Европе он чувствовал себя неудобно, что даже Италия ему не понравилась, и это привело его в изумление: «Кто оповестил всю вселенную о том, что будто за граница мне не понравилась? Господи ты Боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом... Что же я должен был делать? Реветь от восторга? Бить стекла? Обниматься с французами?» (27 мая 1891 г.).

Между тем виноват-то, по-видимому, был он сам. О европейской жизни он писал воодушевленно, улицы Вены, дворцы, храмы, статуи, живопись Венеции, Флоренции, Рима приводили его в восторг, и все это отразилось в письмах. Но время шло, менялась погода, менялось настроение; оказывалось, что Россия далеко не во всем уступает Европе. Чехов начинал скучать, томился без работы и однажды написал: «Рим похож на Харьков, а Неаполь грязен». Тайно эти слова не остались, и отсюда-то все и проистекло. К восторженным письмам из Европы привыкли: раз уж оказался человек в Италии, то, естественно, пришел в изумление и восторг, а вот «Рим похож на Харьков» – это было большой новостью, это запомнилось и пошло из уст в уста; стали говорить, что Европа Чехову не понравилась...

«Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена! Ее нельзя сравнить ни с одним из тех городов, какие я видел в своей жизни. Улицы широкие, изящно вымощенные, масса бульваров и скверов, дома все 6– и 7-этажные, а магазины – это не магазины, а сплошное головокружение, мечта! Одних галстухов в окнах миллиарды! Какие изумительные вещи из бронзы, фарфора, кожи! Церкви громадные, но они не давят своею громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев. Особенно хороши собор Св. Стефана и *Votiv-Kirche*. Это не постройки, а печенка к чаю. Великолепны парламент, дума, университет... все великолепно, и я только вчера и сегодня как следует понял, что архитектура в самом деле искусство. И здесь это искусство попадает не кусочками, как у нас, а тянется полосами в несколько верст. Много памятников. В каждом переулке непременно книжный магазин. На окнах книжных магазинов попадают и русские книги, но увы! это сочинения не Альбова, не Баранцевича и не Чехова, а всяких анонимов, пишущих и печатающих за границей. Видел я «Ренана», «Тайны Зимнего дворца» и т. п. Странно, что здесь можно все читать и говорить, о чем хочешь» (20 марта).

«Я теперь в Венеции, куда приехал третьего дня из Вены. Одно могу сказать: замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел. Это сплошное очарование, блеск, радость жизни. Вместо улиц и переулков каналы, вместо извозчиков гондолы, архитектура изумительная, и нет того местечка, которое не возбуждало бы исторического или художественного интереса. Плывешь в гондоле и видишь дворцы дожей, дом, где жила Дездемона, дома знаменитых художников, храмы... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились. Одним словом, очарование.

Весь день от утра до вечера я сижу в гондоле и плаваю по улицам или же брожу по знаменитой площади Святого Марка. Площадь гладка и чиста, как паркет. Здесь собор Святого Марка – нечто такое, что описать нельзя, Дворец дожей и такие здания, по которым я чувствую подобно тому, как по нотам поют, чувствую изумительную красоту и наслаждаюсь.

А вечер! Боже ты мой Господи! Вечером с непривычки можно умереть. Едешь ты на гондоле... Тепло, тихо, звезды... Лошадей в Венеции нет, и потому тишина здесь, как в поле. Вокруг снуют гондолы... Вот плывет гондола, увешанная фонариками. В ней сидят контрабас, скрипки, гитара, мандолина и корнет-а-пистон, две-три барыни, несколько мужчин – и

ты слышишь пение и музыку. Поют из опер. Какие голоса! Проехал немного, а там опять лодка с певцами, а там опять, и до самой полночи в воздухе стоит смесь теноров, скрипок и всяких за душу берущих звуков.

Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга. Русскому человеку, бедному и приниженному, здесь, в мире красоты, богатства и свободы, не трудно сойти с ума. Хочется здесь навеки остаться, а когда стоишь в церкви и слушаешь орган, то хочется принять католичество.

Великолепны усыпальницы Кановы и Тициана. Здесь великих художников хоронят, как королей, в церквях; здесь не презирают искусства, как у нас: церкви дают приют статуям и картинам, как бы голы они ни были.

Во Дворце дождей есть картина, на которой изображено около 10 тысяч человеческих фигур.

Сегодня воскресенье. На площади Марка будет играть музыка» (24 марта).

«Дорогой дядя, шлю Вам привет из прекрасной Венеции и вместе с ним посылаю изображение церкви Св. Марка. Эта церковь так же стара, как Венеция, и красива так же, как она. Фотография не может передать всей красоты ее. К сожалению, она дурно раскрашена.

Три мачты, стоящие перед церковью, высоки; они сделаны из бронзы; на них когда-то выкидывались флаги Венецианской республики, теперь же по воскресеньям развеваются громадные итальянские флаги. Над главными дверями четыре коня из бронзы больше, чем в натуральную величину. Множество скульптурных украшений самой высокой стоимости. Весь храм до такой степени великолепен, что оценить его на деньги невозможно; он выше всякой цены, и местные горожане говорят, что их город не имеет смысла без этого храма и если бы, положим, неприятели захотели уничтожить город, то для этого достаточно было бы только разрушить один храм.

Венеция, как Вам известно, знаменита тем, что здесь вместо мостовых вода и вода, вместо извозчиков гондолы. Здесь нет ни одной лошади.

Кроме церкви Св. Марка, есть еще много великолепных церквей, поражающих своим богатством. Замечательно, что все здешние статуи и картины не имеют цены; оценка их вне человеческой власти, и потому понятно, почему, например, из-за бронзовых коней или картины Веронеза ссорились целые государства. И понятно также, почему здесь знаменитым художникам воздают такую же честь, как королям; их погребают в храмах, как королей, и украшают их могилы такими памятниками, что голова кружится от восторга. Например, в одной из знаменитейших церквей у усыпальницы скульптора Кановы лежит просто чудо: лев положил голову на протянутые передние лапы, и у него такое грустное, печальное, человеческое выражение, какого нельзя передать на словах» (25 марта).

«Лупит во всю ивановскую дождь. Venezia bella⁵ перестала быть bella. От воды веет унылой скукой, и хочется поскорее бежать туда, где солнце...

Видел я Мадонну Тициана. Очень хороша. Но жаль, что здесь отличные картины густо перемешаны с ничтожными произведениями, которые сохраняются, а не выбрасываются только из духа консерватизма, присущего таким рутинерам, как гг. люди. Есть много картин, долговечность которых положительно непонятна.

Дом, где жила Дездемона, отдается внаймы» (26 марта).

«Я во Флоренции. Замучился, бегаючи по музеям и церквям. Видел Венеру Медичейскую и нахожу, что если бы ее одели в современное платье, то она вышла бы безобразна, особенно в талии. Я здоров. Небо пасмурно, а Италия без солнца, это все равно что лицо под маской...

⁵ Прекрасная (ит.).

Хорош памятник Данте» (29 марта).

«Римский Папа поручил мне поздравить Вас с ангелом и пожелать Вам столько же денег, сколько у него комнат. А у него одиннадцать тысяч комнат! Шатаюсь по Ватикану, я зачах от утомления, а когда вернулся домой, то мне казалось, что мои ноги сделаны из ваты.

Я обедаю за table d'hôte'ом. Можете себе представить, против меня сидят две голландочки: одна похожа на пушкинскую Татьяну, а другая на сестру ее Ольгу. Я смотрю на обеих в продолжение всего обеда и воображаю чистенький беленький домик с башенкой, отличное масло, превосходный голландский сыр, голландские сельди, благообразного пастора, степенного учителя... и хочется мне жениться на голландочке, и хочется, чтобы меня вместе с нею нарисовали на подносе около чистенького домика» (1 апреля).

«Путешествие очень дешево. Можно съездить в Италию, имея только 400 руб., и вернуться домой с покупками. Если бы я путешествовал один или, положим, с Иваном, то привез бы домой убеждение, что в Италию съездить гораздо дешевле, чем на Кавказ. Но, увы, я с Сувориным... В Венеции мы жили в лучшем отеле, как дожи, здесь, в Риме, живем, как кардиналы, потому что занимаем Salon в бывшем дворце кардинала Конти, а ныне в отеле» Minegva«; две больших гостиных, люстры, ковры, камин и всякая ненужная чепуха, стоящая нам 40 франков в сутки.

От хождения болит спина и горят подошвы. Ужас, сколько ходим!

Мне странно, что Левитану не понравилась Италия. Это очаровательная страна. Если бы я был одиноким художником и имел деньги, то жил бы здесь зимою. Ведь Италия, не говоря уж о природе ее и тепле, единственная страна, где убеждаешься, что искусство в самом деле есть царь всего, а такое убеждение дает бодрость» (1 апреля).

«Вчера я был в Помпее и осматривал ее. Это, как вам известно, римский город, засыпанный в 79 году по Рождеству Христову лавою и пеплом Везувия. Я ходил по улицам сего города и видел дома, храмы, театры, площади... Видел и изумлялся уменью римлян сочетать простоту с удобством и красотою...

Что за мученье взбираться на Везувий! Пепел, горы лавы, застывшие волны расплавленных минералов, кочки и всякая пакость. Делаешь шаг вперед – и полшага назад, подошвам больно, груди тяжело... Идешь, идешь, идешь, а до вершины все еще далеко. Думаешь: не вернуться ли? Но вернуться совестно, на смех поднимут. Восшествие началось в 2 ¹/₂ часа и кончилась в 6. Кратер Везувия имеет несколько сажен в диаметре. Я стоял на краю его и смотрел вниз, как в чашку. Почва кругом, покрытая налетом серы, сильно дымит. Из кратера валит белый вонючий дым, летят брызги и раскаленные камни, а под дымом лежит и храпит сатана. Шум довольно смешанный: тут слышится и прибой волн, и гром небесный, и стук рельсов, и падение досок. Очень страшно, и притом хочется прыгнуть вниз, в самое жерло. Я теперь верю в ад. Лава имеет до такой степени высокую температуру, что в ней плавится медная монета» (7 апреля).

«Заграничные вагоны и железнодорожные порядки хуже русских. У нас вагоны удобнее, а люди благодушнее. Здесь на станциях нет буфетов» (12 апреля).

«Около казино с рулеткой есть другая рулетка – это рестораны. Дерут здесь страшно и кормят великолепно. Что ни порция, то целая композиция, перед которой в благоговении нужно преклонять колена, но отнюдь не осмеливаться есть ее. Всякий кусочек изобильно уснащен артишоками, трюфелями, всякими соловьиными языками... И, Боже ты мой Господи, до какой степени презренна и мерзка эта жизнь с ее артишоками, пальмами, запахом померанцев! Я люблю роскошь и богатство, но здешняя рулеточная роскошь производит на меня впечатление роскошного ватерклозета. В воздухе висит что-то такое, что, вы чувствуете, оскорбляет вашу порядочность, опошляет природу, шум моря, луну...

Из всех мест, в каких я был доселе, самое светлое воспоминание оставила во мне Венеция. Рим похож в общем на Харьков, а Неаполь грязен. Море же не прельщает меня, так

как оно надоело мне еще в ноябре и декабре. Черт знает что, оказывается, что я непрерывно путешествую целый год. Не успел вернуться из Сахалина, как уехал в Питер, а потом опять в Питер и в Италию...» (15 апреля).

«Приехал я в Париж в пятницу утром и тотчас же поехал на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальные выставочные постройки я видел только снаружи, так как внутри находилась кавалерия, приготовленная на случай беспорядков. В пятницу ожидалось волнения. Народ толпами ходил по улицам, кричал, свистал, волновался, а полицейские разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здесь достаточно десятка полицейских. Полицейские делают дружный натиск, и толпа бежит, как сумасшедшая. В один из натисков и я сподобился: полицейский схватил меня за лопатку и стал толкать вперед себя.

Масса движения. Улицы роятся и кипят. Что ни улица, то Терек бурный. Шум, гвалт. Тротуары заняты столиками, за столиками – французы, которые на улице чувствуют себя, как дома. Превосходный народ. Впрочем, Парижа не опишешь, отложу его описание до моего приезда...

Был на картинной выставке (Salon) и половины не видел благодаря близорукости. Кстати сказать, русские художники гораздо серьезнее французских. В сравнении со здешними пейзажистами, которых я видел вчера, Левитан король» (21 апреля).

2 мая. Возвращение в Москву. Найдя дома письмо И. И. Горбунова-Посадова, согласился дать для издания в «Посреднике» (книги для народного чтения) рассказ «Ванька».

3 мая. Отъезд с семьей на лето в Алексин Тульской губернии.

18 мая. Переехал с нанятой дачи в имение Е. Д. Былим-Колосовского Богимово, на берегу Оки.

Лето. Работа над книгой «Остров Сахалин», повестью «Дуэль» и рассказами. Писал «от утра до вечера и во сне».

25 июня. В газете «Новое время» – рассказ «Бабы».

14 августа. По просьбе чешского переводчика А. Врзала Чехов написал автобиографию (для издания «Русская литература XIX века»):

«Родился я в 1860 году, в городе Таганроге (на берегу Азовского моря). Дед мой был малоросс, крепостной; до освобождения крестьян он выкупил на волю всю свою семью, в том числе и моего отца. Отец занимался торговлей.

Образование я получил в Таганрогской гимназии, потом в Московском университете по медицинскому факультету, откуда был выпущен со степенью врача. Литературою стал я заниматься в 1879 году. Работал я в очень многих повременных изданиях, печатая по преимуществу небольшие рассказы, которые с течением времени и послужили материалом для сборников: «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», «Хмурые люди». Писал я и пьесы, которые ставил на казенных и частных сценах.

В 1888 году императорская Академия наук присудила мне Пушкинскую премию.

В 1890 году я совершил путешествие через Сибирь на остров Сахалин для знакомства с каторжными работами и ссыльной колонией».

Сентябрь. В Москве работал над «Рассказом неизвестного человека» (в то время назывался «Рассказ моего пациента»).

Октябрь. Вышло из печати второе, сильно измененное сравнительно с первым, издание «Пестрых рассказов» (СПб., тип. А. С. Суворина; до 1899 года сборник переиздавался 12 раз).

Конец октября. Перечитывал «Войну и мир» Л. Н. Толстого: «Читаешь с таким любопытством и с таким наивным удивлением, как будто раньше не читал. Замечательно хорошо. Только не люблю тех мест, где Наполеон».

Октябрь – ноябрь. В одиннадцати номерах «Нового времени» напечатана повесть «Дуэль». (В конце декабря вышла отдельным изданием.)

Намерен купить усадьбу, чтобы быть свободным «от всяких денежно-приходо-расходных соображений»: «Буду тогда работать и читать, читать...» Уехать из Москвы необходимо и для здоровья.

Конец ноября. Написал рассказ «Великий человек» («Попрыгунья») и отправил его в журнал «Север» (напечатан в № 1 и 2 за 1892 год).

Декабрь. Помощь голодающим крестьянам Нижегородской губернии: сбор денег, покупка лошадей, корма для них и пр. (вместе с приятелем Е. П. Егоровым).

1892

Начало января. В журнале «Северный вестник» – рассказ Чехова «Жена» (о голоде), в журнале «Север» – «Попрыгунья».

Находясь в Петербурге, встречался с писательницей Л. А. Авиловой, познакомился с украинской артисткой М. К. Заньковецкой, писателем-этнографом С. В. Максимовым.

Январь. Поездка в Нижегородскую губернию для организации помощи голодающим крестьянам. Простудившись там, вернулся в Москву больным.

Начало февраля. Уехал с А. С. Сувориным в Воронежскую губернию – по делам помощи голодающим.

Состоялась покупка имения художника Н. П. Сорохтина в Мелихове Серпуховского уезда Тульской губернии в 13 верстах от станции Лопасня.

Конец февраля. Отдельное издание рассказа «Каштанка» с иллюстрациями С. С. Соломко (не нравились Чехову).

Мелихово

1 марта. Семья переехала из Москвы в Мелихово.

4 марта. Чехов уехал в Мелихово.

Март – май. Работа над повестью «Палата № 6» и книгой «Остров Сахалин». Написал также юморески для «Осколков».

7 апреля. В «Петербургской газете» – рассказ «После театра» (под заглавием «Радость»).

Май – июнь. Сокращал роман А. Дюма «Граф МонтеКристо» для издания у А. С. Суворина (издание не состоялось; чеховская работа неизвестна).

«Первая часть, пока граф не богат, очень интересна и сделана хорошо, вторая же, за малыми исключениями, невыносима, ибо в ней Монте-Кристо делает и говорит одни только высокопарные глупости. Но роман в общем эффектен».

9 мая. В журнале «Всемирная иллюстрация» – рассказ «В ссылке».

Июнь. В Мелихове гостит Л. С. Мизинова (Лика).

23 июня. В. М. Лавров просит Чехова дать рассказ в «Русскую мысль», забыть печальное недоразумение двухлетней давности: «Редактируемый мною журнал всегда с величайшим сочувствием следил за Вашею литературною деятельностью...»

Июль. В «Книжках «Недели» – рассказ «Соседи».

Согласился принять участие в борьбе с эпидемией холеры – безвозмездно, как и вся врачебная деятельность в Мелихове.

В Мелихове открыт врачебный пункт. Чехов, став обязательным членом уездного санитарного совета, присутствовал на заседаниях, разъезжал по деревням и фабрикам.

«Летом трудненько жилось, но теперь мне кажется, что ни одно лето я не проводил так хорошо, как это. Несмотря на холерную сумятицу и безденежье, державшее меня в лапах до осени, мне нравилось и хотелось жить. Сколько я деревьев посадил!»

«С августа по 15 октября я записал у себя на карточках 500 больных; в общем принял, вероятно, не менее тысячи».

Октябрь. Отдал в «Русскую мысль» «Рассказ неизвестного человека» и «Палату № 6».

Начало ноября. Вышел № 11 «Русской мысли» с повестью «Палата № 6».

Л. Н. Толстой назвал повесть «хорошей вещью» (письмо И. И. Горбунову-Посадову, 24 дек. 1892 г.).

«Какая страшная сила впечатления поднимается из этой вещи. Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея человечества!.. Я поражен, очарован...» (И. Е. Репин).

«...Читаю «Палату № 6», о которой в Москве говорят во всех углах» (Вл. И. Немирович-Данченко).

Отзывы критики – единодушно положительные, хотя Чехову по-прежнему отказывали в единой и четкой авторской мысли.

25 декабря. В «Новом времени» – рассказ «Страх».

1893

Январь. Находясь в Петербурге, Чехов посетил мастерскую И. Е. Репина. Картина «Христос в Гефсиманском саду» произвела «сильное впечатление».

Издательство «Посредник» выпустило рассказы «Именины» и «Жена».

Февраль – март. В журнале «Русская мысль» напечатан «Рассказ неизвестного человека».

Г. М. Чехов написал 23 марта из Таганрога: «Читают его нарасхват и «Русскую мысль» берут с бою...»

Отзывы в печати – почти все отрицательные. Чехова упрекали в недоговоренности, отрывочности, незавершенности.

Вышел сборник «Палата № 6», куда, кроме повести, включены еще несколько рассказов (СПб., изд. А. С. Суворина; переиздавался 6 раз).

Чехов перечитывал Тургенева: «Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто хоть караул кричи. Болезнь Базарова сделана так сильно, что я ослабел и было такое чувство, как будто я заразился от него. А конец Базарова? А старички? А Кукшина? Это черт знает как сделано. Просто гениально... Описания природы хороши, но... чувствую, что мы уже отвыкаем от описаний такого рода и что нужно что-то другое» (24 февраля).

Весна и лето. В Мелихове часто гостила Л. С. Мизинова.

Март – апрель. В письмах – резко отрицательные отзывы о редакции «Нового времени», в частности по поводу «гадкого поступка» А. А. Суворина, давшего пощечину В. М. Лаврову, издателю «Русской мысли»: «Сукин сын, который бранится ежедневно и знаменит этим, ударил человека за то, что его побранили. Хороша справедливость!» «По убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя и К°. Как публицисты они мне просто гадки...»

Апрель. Повесть «Палата № 6» выпущена отдельной книжечкой в издательстве «Посредник» (дважды переиздавалась).

24 мая. Сверхштатный младший медицинский чиновник при Медицинском департаменте – так определена должность Чехова приказом по Министерству внутренних дел («уволен от службы по прошению» 12 ноября).

Июнь – июль. Закончена книга «Остров Сахалин». Отдана в печать (журнал «Русская мысль»); печатание началось в октябре.

Работа над повестью «Черный монах».

27 октября. Телеграмма М. И. Чайковскому о смерти П. И. Чайковского: «Известие поразило меня. Страшная тоска... Я глубоко уважал и любил Петра Ильича, многим ему обязан. Сочувствую всей душой. Чехов».

Ноябрь. Закончен рассказ «Бабы царство».

Декабрь. В Москве Чехов посетил издательство и типографию И. Д. Сытина, издателя книг для народного чтения, в частности «Посредника»: «Интересно в высшей степени. Это настоящее народное дело. Пожалуй, это единственная в России издательская фирма, где русским духом пахнет и мужика покупателя не толкают в шею».

Договорился об издании сборника своих рассказов и повестей.

Закончил повесть «Черный монах» (напечатана в № 1 за 1894 год в журнале «Артист»).

28 декабря. Рассказ «Володя большой и Володя маленький» напечатан в газете «Русские ведомости» (с большими цензурными и редакционными изъятиями).

На встречу Нового года в Мелихово приехали И. Н. Потапенко и Л. С. Мизинова.

1894

Январь. Намерен, освободившись от сахалинской работы, заниматься одной беллетристикой: «Брошу даже медицину и, думаю, имею на это право, так как отдал уже ей дань в виде книги о Сахалине».

В журнале «Русская мысль» – рассказ «Бабы царство».

6 февраля. Рассказ «Скрипка Ротшильда» напечатан в газете «Русские ведомости».

2 марта. Из-за нездоровья уехал в Крым.

Поселился в Ялте, в гостинице «Россия».

27 марта. Написал А. С. Суворину (после частых встреч и бесед с критиком Л. Е. Оболенским, сторонником «толстовства»): «...толстовская мораль перестала меня трогать, в глубине души я отношусь к ней недружелюбно... Во мне течет мужицкая кровь, и меня не

удивишь мужицкими добродетелями. Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная... Расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от мяса».

5 апреля. Возвратился в Мелихово.

«Занимаюсь земледелием: провожу новые аллеи, сажаю цветы, рублю сухие деревья и гоняю из сада кур и собак».

15 апреля. Напечатан рассказ «Студент» (под заглавием «Вечером»).

Июнь. В Мелихове закончена постройка флигеля для уединенной работы.

10 июля. Напечатан рассказ «Учитель словесности» – в газете «Русские ведомости».

Лето, осень. Общественная деятельность в земстве Серпуховского уезда.

26–31 августа. Приехал в Таганрог, чтобы повидаться с тяжело заболевшим дядей, М. Е. Чеховым.

С горечью увидел, что город запущен, бедна библиотека, нет водопровода и пр.

28 августа. Рассказ «В усадьбе» напечатан в газете «Русские ведомости».

Август. Последние главы «Острова Сахалина» задержаны цензурой (появились лишь в отдельном издании книги).

14 сентября. После нескольких дней, проведенных в Феодосии на даче А. С. Суворина, а затем в Одессе, уехал за границу, в Италию.

Был в Вене, Аббации, Триесте, Фиуме, Венеции, Милане, Генуе, Ницце.

Из Вены написал Л. С. Мизиновой: «Я не совсем здоров. У меня почти непрерывный кашель. Очевидно, и здоровье я прозевал так же, как Вас».

Около 6 октября. Из Ниццы уехал в Париж. По пути был в Берлине.

14 октября. Вернулся в Москву.

Октябрь – декабрь. Работа над повестью «Три года».

2 ноября. Отправил первую партию книг в таганрогскую библиотеку.

12 декабря. Написал А. С. Суворину: «Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать теперь русский человек?» Вот мой ответ: желать. Ему нужны прежде всего желанья, темперамент. Надоело кисляйство».

Декабрь. Вышел из печати сборник «Повести и рассказы» в издательстве И. Д. Сытина (переиздавался еще раз).

22 декабря. Послал редакции настольного энциклопедического словаря краткую автобиографию.

23 декабря. Написал «Рассказ старшего садовника». Напечатан в газете «Русские ведомости» 25 декабря с исключением «опасных» фраз: «Веровать в Бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте!»

1895

Начало января. Возобновились дружеские отношения с И. И. Левитаном, прервавшиеся после публикации «Попрыгуньи» (С. П. Кувшинникова и Левитан рассердились тогда на Чехова, узнав себя в героях рассказа).

Январь – февраль. В журнале «Русская мысль» – повесть «Три года».

Литературная критика не увидела в ней «той крупной вещи, которой так долго ждут от Чехова», нашла повесть растянутой, хотя и признавала удачной ее «бытовую сторону», близость к жизни и психологическое содержание. Осужден был финал, обрывающий повествование там, где оно «вступает в новый, наиболее интересный фазис».

27 января. Знакомство с К. А. Тимирязевым.

Февраль. В Петербурге. Встречи с литераторами.

Ближе познакомился с Л. А. Авиловой, читал в рукописи ее рассказы, подарил свою книгу «Повести и рассказы».

25 февраля. Написал А. С. Суворину о Ф. Ницше: «С таким философом, как Нитче, я хотел бы встретиться где-нибудь в вагоне или на пароходе и проговорить с ним целую ночь. Философию его, впрочем, я считаю недолговечной. Она не столь убедительна, сколь бравурна».

Конец февраля. Л. А. Авилова послала Чехову брелок в форме книги; гравировка указывала на строки 6 и 7 страницы 267 сборника «Повести и рассказы»: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Между 9—15 марта. В сборнике «Почин» напечатан рассказ «Супруга».

Март. Чехов отправил в библиотеку Таганрога большую партию книг (многие из них – с автографами даривших). Посылки эти продолжились до конца жизни, в том числе из-за границы, когда Чехов проводил там зиму 1897/98 года.

23 марта. Написал А. С. Суворину: «Извольте, я женюсь, если Вы хотите этого. Но мои условия: все должно быть, как было до этого, то есть она должна жить в Москве, а я в деревне, и я буду к ней ездить. Счастье же, которое продолжается изо дня в день, от утра до утра, – я не выдержу... Оттого что я женюсь, писать я не стану лучше».

2 апреля. Написал петербургскому приятелю В. В. Билибину: «У меня накопилось 1036 сюжетов для мелких рассказов, и я засяду за них, когда потеплеет». («Сюжеты» и всякого рода иные заметки Чехов в течение всей жизни заносил в записные книжки. Сохранились только четыре такие книжки, начиная с 1891 года.)

9 апреля. В журнал «Артист» отправлен рассказ «Ариадна».

Середина апреля. В журнал «Детское чтение» отдан рассказ «Белолобый».

Май – июнь. Вышла отдельным изданием книга «Остров Сахалин».

Чехов подарил книгу И. И. Левитану с шуточной надписью: «Милому Левиташе даю сию книгу на случай, если он совершит убийство из ревности и попадет на оный остров».

5 июля. Уехал в имение А. Н. Турчаниновой (станция Троица Рыбинско-Бологовской ж. д.) к И. И. Левитану, покушавшемуся на свою жизнь. Прожил там 5–6 дней.

«Не знаю почему, но те несколько дней, проведенных тобою у меня, были для меня самыми покойными днями за все лето» (письмо И. И. Левитана).

8–9 августа. Чехов в Ясной Поляне. Чтение вслух «Воскресения», над которым Л. Н. Толстой тогда работал.

«Впечатление чудесное. Я чувствовал себя легко, как дома, и разговоры наши с Л. Н. были легки», – написал после встречи Чехов. «Он очень даровит, и сердце у него должно быть доброе, но до сих пор нет у него своей определенной точки зрения», – заметил Толстой.

*Август – октябрь.*хлопоты о журнале «Хирургическая летопись», которому угрожало закрытие из-за недостатка средств: «Спаси хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций».

Лето. Был у В. М. Лаврова в Малеевке.

Споры с дочерью Лаврова о положении крестьян отразились в рассказе «Дом с мезонином» (художник и Лида Волчанинова).

Сентябрь. Дал деньги на новые парты и другие школьные принадлежности в Талежском училище (Талеж – село недалеко от Мелихова).

15 октября. Послал в газету «Русские ведомости» рассказ «Анна на шее».

Октябрь – середина ноября. Работа над пьесой «Чайка».

«Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены»; «Начал ее forte⁶ и кончил pianissimo⁷ – вопреки всем правилам драматического искусства».

22 октября. Рассказ «Анна на шее» напечатан в газете «Русские ведомости».

⁶ Громко (ит.).

⁷ Очень тихо (ит.).

Ноябрь. Рассказ «Убийство» – в журнале «Русская мысль».

Конец ноября – декабрь. Написал рассказ «Дом с мезонином» (первоначально: «Моя невеста»).

«У меня когда-то была невеста... Мою невесту звали так: «Мисюсь». Я ее очень любил. Об этом я пишу».

Ноябрь. Рассказ «Белолобый» напечатан в журнале «Детское чтение».

Начало декабря. Дал прочесть рукопись (машинопись) «Чайки» Вл. И. Немировичу-Данченко. При встрече выслушал его мнение.

8 декабря. Послал рукопись «Чайки» А. С. Суворину.

14 декабря. Знакомство с И. А. Буниным.

17 декабря. Написал А. С. Суворину о «Чайке»: «Пьеса моя провалилась без представления. Если в самом деле похоже, что в ней изображен Потапенко, то, конечно, ставить и печатать ее нельзя».

Декабрь. Рассказ «Ариадна» напечатан в журнале «Русская мысль».

1896

Начало января. В Петербурге. Сфотографировались вместе Чехов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, И. Н. Потапенко.

27 января. На маскараде в театре Литературно-артистического кружка встреча с Л. А. Авиловой.

Начало февраля. Встреча с В. Г. Короленко.

15 февраля. Чехов у Л. Н. Толстого в Хамовническом доме. Толстой обещал дать прочесть переделанное «Воскресение».

Февраль – март. Поездки в Серпухов и село Талеж в связи с постройкой там нового здания школы.

Первая половина марта. Переделки в пьесе «Чайка».

Апрель – август. Работа над повестью «Моя жизнь» (в письмах названа «романом для «Нивы») «из жизни провинциальной интеллигенции».

Апрель. Напечатан «Дом с мезонином» – в журнале «Русская мысль».

«Там столько тонкой поэтической прелести, такие тургеневские черты, что мне очень захотелось выразить автору признательность за доставленное им наслаждение» (письмо Чехову А. А. Андреевой, 24 апр. 1896 г.).

Литературная критика осудила «бездеятельную» жизненную позицию рассказчика – художника. А. М. Скабичевский назвал свою очередную статью «Больные герои большой литературы».

30 мая. Вместе с инспектором Брызгаловым экзаменовал в Талеже школьников как попечитель училища.

14 июня. «Чайка» запрещена к постановке в императорских театрах: цензор нашел «подозрительными» «слишком явные признания сына о незаконном сожителстве его матери». (Чехову пришлось «смягчить» текст; восстановлен в подлинном виде лишь в академическом 30-томном издании, т. 13.)

Июнь. Начал постройку колокольни в Мелихове.

16 июня. Послал начало повести «Моя жизнь» редактору журнала «Нива» А. А. Тихонову (Луговому) на просмотр с точки зрения цензурности. Тихонов предложил вычеркнуть несколько мест.

26 июня. Решил отправить 100 школьников в сопровождении учителей в Нижний Новгород на выставку.

Конец июля. Окончена постройка Талежской школы.

10 августа. В журнал «Нива» отправлена повесть «Моя жизнь».

«Последняя глава вышла как будто куца; в корректуре рассироплю и пошлифую. Финалы я всегда делаю в корректуре».

20 августа. Пьеса «Чайка» разрешена цензурой с исправлениями, сделанными дополнительно И. Н. Потапенко.

Чехов уехал на юг. Был в Таганроге, Ростове, Нахичевани, Кисловодске, Бермамуте, Новороссийске. Затем пароходом – в Феодосию.

14 сентября. «Чайка» разрешена к постановке Театрально-литературным комитетом.

В протоколе заседания комитета отмечены множество «недостатков», в том числе «случайность» нескольких сцен, «ибсенизм» и др.

16 сентября. По дороге домой остановился в Харькове. В театре смотрел «Горе от ума».

7 октября. Приехал в Петербург в связи с постановкой «Чайки». Привез материал для издания нового сборника «Пьесы».

Октябрь – декабрь. Повесть «Моя жизнь» напечатана в «Ежемесячных литературных приложениях» к журналу «Нива» (с цензурными изъятиями).

12, 14, 16 октября. Был на репетициях «Чайки», в том числе последней – генеральной.

17 октября. Первое представление «Чайки» в Александринском театре (бенефис комической актрисы Е. И. Левкеевой, занятой во второй пьесе того вечера – «Счастливым днем» Н. Я. Соловьева). Роль Нины Заречной исполняла В. Ф. Комиссаржевская. Провал пьесы.

Чехов ушел из зрительного зала во время второго акта, а после спектакля один ужинал, бродил по городу. На другой день уехал из Петербурга. Сказал А. С. Суворину: «Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам в театр ни одной пьесы. В этой области мне неудача».

Ал. П. Чехов написал брату: «Я с твоей «Чайкой» познакомился только сегодня в театре: это – чудная, превосходная пьеса, полная глубокой психологии, обдуманная и хватающая за сердце».

21 октября. М. И. Чайковский – А. С. Суворину: «За много лет я не испытывал такого удовольствия от сцены и такого огорчения от публики, как в день бенефиса Левкеевой».

Второй спектакль «Чайки», с небольшими изменениями, прошел с успехом, как и три последующих, после чего пьеса была снята с репертуара.

В. Ф. Комиссаржевская – Чехову: «Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть... Ваша, нет, наша «Чайка», так как я срослась с ней душой навек, жива, страдает и верует так горячо, что многих уверовать заставит».

11 ноября. Вл. И. Немирович-Данченко – Чехову: «Сумбатов был в Петербурге и присутствовал на 4-м представлении («Чайки»). Он говорит, что в таком невероятном исполнении, в таком непонимании лиц и настроений пьеса не могла иметь успеха».

2 декабря. Намерение, если будет война на Дальнем Востоке, отправиться на фронт врачом (назревал конфликт между Россией и Англией).

Декабрь. Собирал материал для книги о земских школах уезда (работа не была завершена).

«Чайка» напечатана в № 12 «Русской мысли» с восстановлением некоторых мест, измененных цензурой.

1897

Январь – начало февраля. Чехов участвовал в переписи населения Бавыкинской волости Серпуховского уезда.

10 января. И. Г. Витте – Чехову: «Что касается Вашей мечты о страховании учителей, то ее можно только приветствовать».

27 января. Согласился позировать художнику И. Э. Бразу для портрета в Третьяковской галерее.

Февраль – июль. Дела, связанные с постройкой школы в Новоселках.

«Земство дает тысячу, мужики собрали 300 р. – и только, а школа обойдется не менее 3 тысяч. Значит, опять мне думать все лето о деньгах и урывать их то там, то сям. Вообще хлопотлива деревенская жизнь».

Февраль – март. Работа над повестью «Мужики».

«Говорят, что она нецензурна и что придется сократить ее наполовину».

22 марта. В Москве. Сильное легочное кровотечение.

25 марта – 10 апреля. Чехов в клинике А. А. Остроумова. Там его посещали А. С. Суворин, М. П. Чехова, Л. А. Авилова, артистка Л. И. Озерова, Л. Н. Толстой («говорили о бессмертии»), И. Л. Леонтьев-Щеглов и др.

Толстой «признает бессмертие в кантовском вкусе; полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цели которого для нас составляют тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенной студенистой массы; мое я – моя индивидуальность, мое сознание сольются с этой массой, – такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его, и Лев Николаевич удивляется, что я не понимаю».

Апрель. Из повести «Мужики», печатавшейся в журнале «Русская мысль», вырезана страница и заменена другой, в которой нет запрещенного цензурой текста о русском мужике и его положении.

Текст был восстановлен Чеховым в отдельном издании повести (сборник «Мужики. Моя жизнь»).

15–16 апреля. В Мелихове – два студента первого курса медицинского факультета Московского университета. Разговоры о студенческих волнениях, о литературе, о студенческой газете. Подарил студентам свои книги.

26–27 апреля. В Москве. В. Г. Короленко советовал Чехову вступить в Союз взаимопомощи русских писателей.

Конец апреля. Вышел № 4 «Русской мысли» с повестью «Мужики».

«Давно уже новое беллетристическое произведение не пользовалось в новой журналистике таким громким и притом таким искренним успехом, как «Мужики». Успех этот напоминает нам те времена, когда появлялся новый роман Тургенева или Достоевского» («Северный вестник», № 6).

Легальный марксист П. В. Струве увидел в суровой правде повести критику «жалкого морализирования народников» («Новое слово», № 5).

Критик-народник Н. К. Михайловский, пытаясь опровергнуть Струве и других, писавших про общественное значение «Мужиков», отрицательно отозвался о повести: «...никаких общих выводов из произведений Чехова делать не следует, да и просто нельзя» («Русское богатство», № 6).

Ожесточенная полемика продолжалась всю осень.

6 мая. Чехову пожалована бронзовая медаль за труды по переписи населения.

17, 24 мая. Поездка в Талеж и Чирково на школьные экзамены.

Май. Вышел сборник «Пьесы» (СПб., изд. А. С. Суворина).

4–22 июля. В Мелихове И. Э. Браз работал над портретом Чехова (не был тогда окончен и не удовлетворил художника).

1 сентября. Чехов уехал за границу.

Был в Париже, Биаррице, Байонне. В Ницце жил в Русском пансионе.

Октябрь – ноябрь. Работа над рассказами «В родном углу», «Печенег», «На подводе» (посланы в газету «Русские ведомости»).

31 октября. Чехов избран членом Союза взаимопомощи русских писателей и ученых: «...чуть не забаллотировали» – из-за «Мужиков».

25 ноября. В письме сестре М. П. Чеховой: «Работаю, к великой своей досаде, недостаточно много и недостаточно хорошо, ибо работать на чужой стороне за чужим столом неудобно; чувствуешь себя так, точно повешен за одну ногу вниз головой».

Декабрь. Внимательно следил по газетам за полемикой вокруг дела Дрейфуса. «По-моему, Дрейфус не виноват» (офицер Дрейфус, еврей по национальности, был обвинен в измене – передаче военных тайн).

Работа над рассказом «У знакомых» для журнала «Космополис» (издавался Ф. Д. Батюшковым).

15 декабря. Ответ Ф. Д. Батюшкову на просьбу написать рассказ «из местной жизни»: «Такой рассказ я могу написать только в России, по воспоминаниям. Я умею писать только по воспоминаниям и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на ней, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично».

1898

Январь. Из-за болезни М. М. Ковалевского пришлось отказаться от поездки в Алжир (хотели ехать вместе).

Февраль. Рассказ «У знакомых» напечатан в журнале «Космополис».

23 февраля. Ал. П. Чехову, продолжавшему служить в «Новом времени», написал: «В деле Золя⁸ «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы со старцем [А. А. Сувориним] обменялись письмами (впрочем, в тоне весьма умеренном) – и замолкли оба. Я не хочу писать и не хочу его писем, в которых он оправдывает бестактность своей газеты тем, что он любит военных...»

Март. Истратил солидную сумму денег, чтобы купить для таганрогской городской библиотеки «всех французских классических писателей».

14 марта. Художник И. Э. Браз приехал в Ниццу писать новый портрет Чехова.

Март – начало апреля. Ежедневные сеансы с 8 утра до 12 часов дня.

«...Портрет мне не кажется интересным. Что-то есть в нем не мое и нет чего-то моего».

«...Выражение, как в прошлом году, такое, точно я нанюхался хрену».

14 апреля – 1 мая. В Париже. Познакомился со скульптором М. М. Антокольским, говорил с ним об отливке памятника Петру I для Таганрога. С другими знакомыми – об организации в Таганроге музея.

25 апреля. Вл. И. Немирович-Данченко, решивший организовать (вместе с К. С. Станиславским) в Москве Художественно-общедоступный театр, отправил Чехову письмо с просьбой дать для постановки «Чайку»: «Я задался целью указать на дивные, по-моему, изображения жизни и человеческой души в произведениях «Иванов» и «Чайка».

28 апреля. Чехов сделал запись в календаре-альбоме А. Ф. Онегина к стихам Лермонтова «Поверь мне, – счастье только там, где любят нас, где верят нам»: «Где нас любят и где нам верят, там нам скучно; но счастливы мы там, где сами любим и где сами верим...»

Начало мая. Вернувшись в Мелихово, ответил отказом Вл. И. Немировичу-Данченко относительно «Чайки».

Май – начало июня. Работа над рассказом «Ионыч».

12 мая. Вл. И. Немирович-Данченко повторил просьбу: «Если ты не дашь, то зарежешь меня, так как «Чайка» – единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты – единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром...»

16 мая. Чехов пригласил Немировича-Данченко приехать в Мелихово.

15 или 16 июня. Отправлен в журнал «Нива» рассказ «Ионыч».

⁸ Э. Золя выступил с памфлетом «Я обвиняю» в защиту Дрейфуса.

Лето. Работа над трилогией – «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» (Напечатаны в июльской и августовской книжках «Русской мысли»).

Собрал юмористические рассказы ранних лет, предполагая издать у И. Д. Сытина под названием «Мелочь» (издание не состоялось).

Июль – август. Постройка в Мелихове земской школы.

12 августа. Написал М. О. Меншикову, что здоровье поправилось, но осень и зиму придется провести не дома: «Это досадно, и от мысли, что я должен уехать, у меня опускаются руки и ничего не хочется делать».

Конец августа – начало октября. Считки, репетиции «Чайки» в Московском Художественном театре.

24 августа. В письме А. С. Суворину завел разговор об издании собрания своих сочинений (по совету Л. Н. Толстого).

Начало сентября. Рассказ «Ионыч» напечатан в «Ежемесячных литературных приложениях» к журналу «Нива».

Начало сентября. Открылось кровохарканье, и Чехов уехал в Москву, чтобы оттуда отправиться в Крым.

9, 11 сентября. На репетициях «Чайки» в помещении Охотничьего клуба на Воздвиженке. Знакомство с О. Л. Книппер.

Возражал против того, чтобы в сценах первого акта (вид на озеро) квакали лягушки и раздавались другие звуки сельского вечера.

14 сентября. На репетиции пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Роль Ирины исполняла О. Л. Книппер. «Коли бы я остался и Москве, то влюбился бы в эту Ирину».

В Ялте

15 сентября. Уехал в Ялту.

17 сентября. В Севастополе. Ездил ночью в Георгиевский монастырь. «Смотрел вниз с горы на море; а на горе кладбище с белыми крестами. Было фантастично».

18 сентября. В Ялте поселился на даче Бушева (потом переехал к Иванову, затем – на дачу Иловайской).

Встречи с К. Д. Бальмонтом, Ф. И. Шаляпиным, С. В. Рахманиновым.

12 октября. В Москве после операции грыжи умер отец, П. Е. Чехов.

Стало ясно, что жить в Мелихове семье уже не придется: «...свивать себе новое гнездо, вероятно, придется на юге».

Конец октября. Чехов купил земельный участок в Аутке для постройки дачи.

Послал в Петербург А. С. Суворину материал для первого тома собрания сочинений, но дело шло так медленно, что в январе 1899 года Чехов принял решение об издании собрания сочинений у А. Ф. Маркса.

Начало ноября. Архитектор Л. Н. Шаповалов согласился строить дом в Аутке.

9 ноября. С. В. Рахманинов подарил Чехову свою «Фантазию для оркестра», навеянную рассказом «На пути».

Ноябрь – декабрь. Чехов организовал сбор пожертвований для голодающих детей Самарской губернии.

Работа над рассказами «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка», «Новая дача».

М. Горький написал Чехову из Нижнего Новгорода: «На днях смотрел «Дядю Ваню», смотрел – и плакал как баба, хотя я человек далеко не нервный... Для меня – это страшная вещь, Ваш «Дядя Ваня», это совершенно новый вид драматического искусства, молот, которым Вы бьете по пустым башкам публики...»

3 декабря. В письме М. Горькому – подробный отзыв о его рассказах: «Талант несомненный и притом настоящий, большой талант». И о недостатках: «...нет сдержанности. Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим».

8 декабря. Купил небольшой домик с участком в Кучук-Кое, в 35 километрах от Ялты.

Декабрь. М. Горький в письме передал мнение «понимающей публики» о пьесах Чехова: «...новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа».

17 декабря. Премьера «Чайки» в Московском Художественном театре. Большой успех. О. Л. Книппер играла Аркадину.

После спектакля Вл. И. Немирович-Данченко отправил Чехову телеграмму: «Только что сыграли «Чайку», успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья».

25 декабря. П. А. Сергеенко (однокашник Чехова по таганрогской гимназии, друг Л. Н. Толстого) известил Чехова, что издатель А. Ф. Маркс готов вести переговоры об издании собрания сочинений Чехова.

Конец декабря. М. Горький передал в письме мнение театрала о «Чайке»: «...никогда еще не видал такой удивительной *еретически-гениальной* вещи».

Декабрь. В журнале «Русская мысль» – рассказ «Случай из практики».

1899

1 января. Отвечая П. А. Сергеенко, согласился передать А. Ф. Марксу право издания своих сочинений: «Я продам все, что есть, и, кроме того, все, что отыщу когда-либо в старых журналах и газетах и найду достойным... Мне и продать хочется, и упорядочить дело давно уже пора, а то становится нестерпимо».

3 января. В журнале «Семья» – рассказ «Душечка», в газете «Русские ведомости» – «Новая дача».

19 января. Написал В. Ф. Комиссаржевской об успехе «Чайки» в Художественном театре.

«Как бы ни было, писать пьесы мне уже не хочется. Петербургский театр излечил меня».

26 января. Подписан договор с А. Ф. Марксом. За право издания всего уже напечатанного А. Ф. Маркс платил 75 тысяч рублей; доход с постановки пьес остался за Чеховым. За новые произведения устанавливался особый гонорар. Право редактирования и выбора принадлежало автору. Чехов был удовлетворен: «Во 1-х), произведения мои будут издаваться образцово, во 2-х), я не буду знать с типографией и с книжным магазином, меня не будут обкрадывать и не будут делать мне одолжений, 3) я могу работать спокойно, не боясь будущего, 4) доход не велик, но постоянен...»

С этого времени началась напряженная работа, продолжавшаяся три года, по собиранию, редактированию, чтению корректур, переписке с разными лицами и пр. Судя по сохранившимся архивным материалам, собрать всё не удалось. Из того, что было собрано, более половины в издание не вошло.

Январь. В «Книжках «Недели» – рассказ «По делам службы».

27 января. Вынужден отказать И. И. Горбунову-Посадову в печатании «Посредником» последних рассказов, особенно понравившихся Л. Н. Толстому: «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка». Право перепечатки принадлежало отныне одному А. Ф. Марксу: «И этот договор представляется мне теперь собачьей конурой, из которой глядит злой, старый, мохнатый пес».

8 февраля. В письме Вл. И. Немировичу-Данченко – о том, что «Дядя Ваня» обещан Малому театру. «Для Художественного театра я напишу другую пьесу».

22 февраля. В письме земскому деятелю И. И. Орлову – отзыв об интеллигенции: «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям – интеллигенты они или мужики, – в них сила, хотя их и мало».

Февраль. По воспоминаниям современника Чехова, В. М. Лаврова, принимал близко к сердцу студенческие волнения, происходившие в Петербурге и других городах России.

Март. Сажал на своем участке деревья.

«...Буквально блаженствовал, так хорошо, так тепло и поэтично. Просто один восторг».

19 марта. Знакомство с приехавшим в Ялту М. Горьким. Затем – частые встречи. Горький написал в то время Е. П. Пешковой: «Какой одинокий человек Чехов и как его плохо понимают. Около него всегда огромное количество поклонников и поклонниц, а на печати у него вырезано: «Одинокому – везде пустыня», и это не рисовка».

Чехов говорил Горькому о тяжком положении народных учителей: «Если бы у меня было много денег, я устроил бы здесь санаторий для больных сельских учителей».

Апрель. Театрально-литературный комитет постановил, что на сцене императорских театров «Дядя Ваня» может быть поставлен лишь с изменениями. Чехов отдал пьесу в Художественный театр.

До 10 апреля. Знакомство с А. И. Куприным. Встречи с И. А. Буниним.

10 апреля. Уехал из Ялты в Москву.

В Москве встречи с О. Л. Книппер (были на выставке картин И. И. Левитана), Л. Н. Толстым, артисткой Г. Н. Федотовой.

23 апреля. М. Горький написал Чехову из Нижнего Новгорода: «...рад я, что встретился с Вами, страшно рад! Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел».

1 мая. Закрытый спектакль «Чайки» в театре «Парадиз» – для автора. Игра Станиславского не удовлетворила, «но в общем ничего, захватило. Местами даже не верилось, что это я написал».

Начало мая. Послал М. Горькому в подарок часы с гравированной надписью: «М. Горькому от А. Чехова. 1899 г.».

7 мая. Фотография с артистами Художественного театра – исполнителями «Чайки». Уехал в Мелихово.

После 7 мая. В Мелихове три дня гостила О. Л. Книппер.

24 мая. В Москве на репетиции «Дяди Вани». Видел два акта: «идет замечательно».

Май – июнь. Занят постройкой школы в Мелихове, хотя имение решили продать: мать должна была переехать в Ялту, сестра Мария Павловна, преподававшая в гимназии, зимой жить в Москве, а летом – в Ялте.

Как материал для литературного творчества после «Мужиков» Мелихово было, по словам Чехова, исчерпано.

26 июня. Написал А. С. Суворину о выстроенных трех школах: «...считаются они образцовыми. Выстроены они из лучшего материала, комнаты 5 аршин вышины [3,5 м], печи голландские, у учителя камин, и квартира для учителя не маленькая, в 3–4 комнаты».

1 июля. О. Л. Книппер, уехавшая на Кавказ, предложила Чехову вместе плыть на пароходе из Батума в Ялту.

12 июля. Выехал в Таганрог, оттуда – в Новороссийск, где встретился с О. Л. Книппер. На пароходе вместе плыли до Ялты.

2 августа. Уехал в Москву с О. Л. Книппер.

Конец августа. Репетиции «Дяди Вани» в Художественном театре.

27 августа. Вернулся в Ялту.

11 октября. Послал Г. И. Россолимо автобиографию для сборника «Врачи, окончившие курс в Московском университете в 1884–1899 гг.» (вышел в 1900 году).

26 октября. Премьера «Дяди Вани» в Художественном театре.

Вл. И. Немирович-Данченко написал Чехову: «...мы взвинтились в наших ожиданиях фурора и в наших требованиях к самим себе до неосуществимости, и эта неосуществимость портит нам настроение...» Вторым спектаклем (30 октября) был «совершенно удовлетворен».

30 октября. Закончен и отправлен в «Русскую мысль» рассказ «Дама с собачкой».

11 ноября. Недоволен тем, что приходится жить в Ялте: «Пианино и я – это два предмета в доме, проводящие свое существование беззвучно и недоумевающие, зачем нас здесь поставили, когда на нас тут некому играть».

Ноябрь – декабрь. Работа над повестью «В овраге» и рассказами «На святках», «Архиерей». Задумана пьеса «Три сестры».

Помощь в постройке Мухалатской школы.

24 ноября. Написал Вл. И. Немировичу-Данченко: «Художественный театр – это лучшие страницы той книги, какая будет когда-либо написана о современном русском театре. Этот театр – твоя гордость, и это единственный театр, который я люблю, хотя ни разу еще в нем не был».

25 ноября. Послал М. Горькому воззвание (для публикации нижегородскими и самарскими газетами) о помощи в постройке санатория для туберкулезных больных.

Воззвание было отправлено и другим знакомым – общественным деятелям и литераторам.

Около 20 декабря. Вышел первый том собрания сочинений Чехова в издательстве А. Ф. Маркса (последний, 10-й, с книгой «Остров Сахалин» появился в 1902 году).

На титульных листах томов: Рассказы; Повести и рассказы; Повести; Пьесы; Остров Сахалин.

28 декабря. Указ о даровании Чехову ордена Святого Станислава:

«Божьею милостию
Мы Николай II
Нашему потомственному дворянину
Попечителю Талежского сельского училища
Серпуховского уезда Антону Чехову

По засвидетельствованию Министерства Народного Просвещения об отличном усердии и особых трудах Ваших Всемилостивейше пожаловали Мы Вас указом в 6-й день декабря 1899 года Капитулу данным кавалером Императорского и Царского ордена нашего Святого Станислава 3-й степени.

Дано в Санкт-Петербурге. 28-й день декабря 1899 года».

Дарованными привилегиями Чехов не пользовался и об императорском указе ни в письмах, ни в официальных бумагах до конца жизни не упоминал.

Декабрь. Рассказ «Дама с собачкой» напечатан в «Русской мысли».

1900

1 января. В «Петербургской газете» – рассказ «На святках».

Начало января. В Ялте – И. И. Левитан. Подарил Чехову пейзаж «Стога сена».

М. Горький писал Чехову, прочитав «Даму с собачкой»: «После самого незначительного Вашего рассказа – все кажется грубым, написанным не пером, а точно поленом. И – главное – все кажется не простым, т. е. не правдивым... Огромное Вы делаете дело Вашими маленькими рассказиками – возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни...»

Чехов прочитал роман «Воскресение» Л. Н. Толстого. Не удовлетворен главами о Нехлюдове и Масловой и евангельским концом романа; все остальное «поразило... силой, и богатством, и широтой».

8 января. Чехов избран почетным академиком по разряду изящной словесности.

15 января. Купил «кусочек берега с купаньем и с Пушкинской скалой» и небольшой домик в Гурзуфе. Домик в Кучук-Кое был продан.

21 января. Послал для детской библиотеки рассказы «Каштанка» и «Белолобый».

«...Так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится и для взрослых... Надо не писать для детей, а уметь выбрать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений».

24 января. Посмотрев в Художественном театре «Дядю Ваню», Толстой «возмутился» и решил писать свою пьесу – «Живой труп». Вл. И. Немировичу-Данченко Толстой сказал, что в пьесе «есть блестящие места, но нет трагизма положения... Да помилуйте, гитара, сверчок – все это так хорошо, что зачем искать от этого чего-то другого?».

28 января. Известия о болезни Л. Н. Толстого. Чехов писал: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я

ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех... Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться».

Конец января. Повесть «В овраге» напечатана в № 1 журнала «Жизнь».

30 января. В «Нижегородском листке» напечатана статья (понравилась Чехову) М. Горького о повести «В овраге».

Вторая половина февраля. М. Горький написал Чехову о полученном письме Толстого с отзывом о повести «В овраге»: «Как хорош рассказ Чехова в «Жизни». Я чрезвычайно рад ему».

6 марта. Пригласил М. Горького приехать в апреле в Ялту, когда там будет на гастролях Художественный театр: «Вам надо поближе подойти к этому театру и присмотреться, чтобы написать пьесу».

10 апреля. Уехал в Севастополь, где пьесой «Дядя Ваня» начал гастроли Художественный театр. Смотрел еще «Одиноких» Гауптмана, «Гедду Габлер» Ибсена.

16–23 апреля. Гастроли в Ялте. Чехов снова видел «Дядю Ваню» и в последний день гастролей – «Чайку». Автору устроена оvation, преподнесен адрес.

У Чехова в доме постоянно по утрам собирались артисты театра, писатели (Горький, Бунин, Куприн, Елпатьевский, Скиталец, Чириков). «Вид у Антона Павловича был страшно оживленный, преображенный; точно он воскрес из мертвых. Он напоминал, – отлично помню это впечатление, – точно дом, который простоял всю зиму с заколоченными ставнями, закрытыми дверями. И вдруг весной его открыли, и все комнаты засветились, стали улыбаться, искриться светом» (К. С. Станиславский).

8–17 мая. В Москве. Навещал больного И. И. Левитана (умер 22 июля).

Конец мая. Уехал вместе с М. Горьким, В. М. Васнецовым и А. Н. Алексиным на Кавказ. Были во Владикавказе, Мцхете, Тифлисе, Батуме.

Июль. О. Л. Книппер гостила у Чеховых в Ялте. Ездили в Гурзуф.

Начало августа. Встречи с В. Ф. Комиссаржевской.

Август – октябрь. Работа над пьесой «Три сестры».

27 сентября. Написал О. Л. Книппер: «Если мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству».

23 октября. Приехал в Москву. Читал «Три сестры» труппе Художественного театра.

Вторая половина ноября. В. А. Серов писал портрет Чехова (не был завершен).

11 декабря. Уехал за границу.

14 декабря. В Ницце. Переделки в пьесе «Три сестры» (III и IV актах; первые два уже репетировались Художественным театром).

1901

Январь. Оживленная переписка по поводу «Трех сестер», особенно с О. Л. Книппер, исполнявшей роль Маши.

26 января. Уехал в Италию. Был в Пизе, Флоренции, Риме.

Говорил своему спутнику М. М. Ковалевскому, что, как врач, понимает: жить осталось недолго.

31 января. Премьера пьесы «Три сестры» в Художественном театре. Большой успех.

11 или 12 февраля. Вернулся в Одессу. Оттуда – в Ялту.

Февраль. Частые встречи с И. А. Буниным.

Гастроли Художественного театра в Петербурге. Играли «Дядю Ваню» и «Три сестры». «Успех Чехова и театра громадный».

«Три сестры» напечатаны в журнале «Русская мысль».

7 марта. Написал О. Л. Книппер о нездоровье («неистово кашляю») и о новой пьесе: «...будет непременно смешная, очень смешная, по крайней мере по замыслу». Это был «Вишневый сад».

Март. Работа над рассказом «Архиерей», сюжет которого «сидит в голове уже лет пятнадцать».

30 марта – 14 апреля. В Ялте О. Л. Книппер.

26 апреля. Написал О. Л. Книппер: «Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, – то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое нужно держать в руке и при этом неопределенно улыбаться».

Конец апреля. «Дядя Ваня» прошел с триумфом на сцене Национального театра в Праге.

11 мая. Приехал в Москву. Советы с докторами. В. А. Шуровский рекомендовал ехать на кумыс.

21 мая. Встречи с К. Д. Бальмонтом и Ю. К. Балтрушайтисом.

25 мая. Венчание с О. Л. Книппер и отъезд вместе в Уфимскую губернию. Телеграмма матери: «Милая мама, благословите, женюсь. Все останется по-старому. Уезжаю на кумыс».

26–27 мая. В Нижнем Новгороде остановились у М. Горького.

Отправились на пароходе – до Пьяного Бора, потом в Уфу.

1 июня. Приехали в Аксеново Уфимской области, где находился туберкулезный санаторий.

«Здесь, на кумысе, скука ужасающая, газеты все старые, вроде прошлогодних, публика неинтересная... и если бы не природа, не рыбная ловля и не письма, то я, вероятно, бежал бы отсюда».

27 июня. М. Горький советовал в письме расторгнуть договор с А. Ф. Марксом как «грабеж»: «Знание» может прямо гарантировать Вам известный, определенный Вами, годовой доход, хоть в 25 000».

1 июля. Уехал с женой из Аксенова в Ялту. Маршрут: Самара – пароход до Царицына – Новороссийск.

24 июля. Ответил М. Горькому, что не может расторгнуть договор с А. Ф. Марксом и стать членом товарищества «Знание». «Деньги я уже все получил и почти все прожил, займы же взять 75 тыс. мне негде, ибо никто не даст. Да и нет желания затевать это дело, воевать, хлопотать, нет ни желания, ни энергии, ни веры в то, что это действительно нужно».

Июль. Почти весь месяц болел, хотя собирался усиленно работать.

3 августа. Написал завещание, которое доверил О. Л. Книппер.

20 августа. Проводил до Севастополя жену, уезжавшую в Москву.

Сентябрь. Работа над рассказом «Архиерей».

12 сентября. Чехов в Гаспре у Л. Н. Толстого, приехавшего в Крым по совету врачей.

15 сентября. Уехал в Москву.

Впервые видел постановку «Трех сестер» на репетициях.

21 сентября. На спектакле «Трех сестер». Большой успех, восторженные овации автору.

19 октября. Обещает В. С. Миролубову, редактору «Журнала для всех», окончить рассказ «Архиерей», когда приедет в Ялту. «Жена моя, к которой я привык и привязался, остается в Москве одна, и я уезжаю одиноким. Она плачет, я ей не велю бросать театр. Одним словом, катавасия».

22 октября. Прочитал в рукописи пьесу «Мещане», написал М. Горькому подробный отзыв, весьма критический.

28 октября. Вернулся в Ялту.

5 ноября. У Толстого в Гаспре провел целый день. Ездили в Алупку, к морю. С. А. Толстая сделала фотографию: на террасе Чехов сидит в кресле, Толстой рядом за маленьким столиком. Потом частые поездки к Толстому. Разговоры о литературе, записанные Горьким и вошедшие потом в очерк «Лев Толстой»: Толстой жаловался, что современная литература кажется ему какой-то не русской, и сказал, обращаясь к Чехову: «Вот вы... вы русский! Да, очень русский».

12 ноября. В Ялту приехал М. Горький, остановился у Чехова.

30 ноября. Л. Н. Толстой писал В. Г. Черткову: «Видаю здесь Чехова, совершенного безбожника, но доброго...»

Ноябрь. М. Горький – о своих встречах с Чеховым: «А. П. Чехов пишет какую-то большую вещь и говорит мне: «...чувствую, что теперь нужно писать не так, не о том, а как-то иначе, о чем-то другом, для кого-то другого, строгого и честного».

Полагает, что в России ежегодно, потом ежемесячно, потом еженедельно будут драться на улицах и лет через десять – пятнадцать додерутся до конституции».

Декабрь. Несколько дней кровохарканье. Много посетителей. Знакомство с Л. Н. Андреевым. Частые встречи с И. А. Бунинным.

17 декабря. Написал М. П. Чехову: «Новое время» поднять нельзя, оно умрет вместе с А. С. Сувориным. Думать о поднятии нововременской репутации значит не иметь понятия о русском обществе».

1902

Январь. Встречи с М. Горьким, разговоры о постановке пьесы «Мещане» в Художественном театре. Чехов советовал роль Нила отдать К. С. Станиславскому: «...это роль главная, героическая».

20 января. Писал К. С. Станиславскому: «Когда я читал «Мещан», то роль Нила казалась мне центральной. Это не мужик, не мастеровой, а новый человек, обинтеллигентившийся рабочий».

6 февраля. В письме Г. И. Россолимо – о себе: «...скучаю здесь, как в бессрочной ссылке, и изредка похварываю. В эту зиму у меня несколько раз было кровохарканье, приходилось лежать, прерывать работу, потом начинать сначала – одним словом, неважно».

20 февраля. Закончен и отправлен в «Журнал для всех» рассказ «Архиерей».

Начало марта. Признаны недействительными выборы М. Горького в почетные академики.

31 марта. Чехов у Толстого в Гаспре. Заговорил с ним об инциденте с Горьким. Толстой ответил: «Я не считаю себя академиком».

Апрель. Художник П. А. Нилус пишет портрет Чехова. Работа была прервана: 14 апреля в Ялту приехала тяжело болевшая О. Л. Книппер.

10 апреля. В. Г. Короленко послал Чехову копию своего письма в академию по поводу Горького.

Чехов ответил, что «разделяет вполне» его мнение.

Апрель. Напечатан рассказ «Архиерей».

24 мая. В. Г. Короленко приехал к Чехову в Ялту. Договорились о выходе из Академии наук в знак протеста против несправедливого аннулирования выборов Горького.

25 мая. Чехов уехал с женой в Москву.

Начало июня. Рассказал К. С. Станиславскому замысел «Вишневого сада».

17 июня. Уехал в имение С. Т. Морозова Усолье Пермской губернии. До Нижнего Новгорода – по железной дороге, до Перми – по Волге и Каме.

24 июня. Осматривая с Морозовым его химический завод, говорил, что на таком заводе рабочий день не может продолжаться 12 часов.

25 июня. Написал Вл. И. Немировичу-Данченко: «Жизнь здесь около Перми серая, неинтересная, и если изобразить ее в пьесе, то слишком тяжелая».

27 июня. Посетил больницу.

«Богатый купец... театры строит... с революцией заигрывает... а в аптеке нет йоду и фельдшер – пьяница, весь спирт из банок выпил и ревматизм лечит касторкой... Все они на одну статью – эти наши российские Рокфеллеры».

1 июля. С. Т. Морозов ввел на своем заводе 8-часовой рабочий день для работающих на особенно трудных участках.

2 июля. Вернулся в Москву.

Вошел пайщиком в товарищество Художественного театра.

5 июля. Уехал с женой на дачу К. С. Станиславского под Москвой.

18 июля. Написал К. С. Станиславскому (тот находился на немецком курорте): «В Любимовке мне очень нравится... И погода хороша, и река хороша, а в доме питаемся и спим, как архиереи. Шлю Вам тысячи благодарностей, прямо из глубины сердца. Давно уже я не проводил так лета. Рыбу ловлю каждый день...»

29 июля. Прочитал пьесу «На дне» М. Горького: «Она нова и несомненно хороша».

14 августа. Чехов уехал в Ялту.

25 августа. Послал в Академию наук письмо с отказом от звания почетного академика.

Сентябрь. Переделал старый водевиль «О вреде табака», превратив его в «совершенно новую пьесу».

12 октября. Уехал в Москву. Работа над рассказом «Невеста».

23 октября. Прочитав рукопись О. Г. Эттингера «Думы и мысли Ант. П. Чехова», написал приславшему ее А. Ф. Марксу: «...составлены совсем по-детски, говорить о них серьезно нельзя. К тому же все эти «мысли и думы» не мои, а моих героев, и если какое-либо действующее лицо в моем рассказе или пьесе говорит, например, что надо убивать или красть, то это вовсе не значит, что г. Эттингер имеет право выдавать меня за проповедника убийства и кражи».

5 ноября. В Художественном театре на спектакле «Власть тьмы» Л. Н. Толстого.

27 ноября. Уехал в Ялту. Намерен работать над пьесой («Вишневый сад»), чтобы в феврале закончить и послать в театр.

Декабрь. Работа над рассказом «Невеста». Ответил на анкету «Отжил ли Некрасов?». «Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко, и если говорить об ошибках, то почему-то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае, о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи».

30 декабря. Большое письмо С. П. Дягилеву о современном религиозном движении.

«Интеллигенция же пока только играет в религию, и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философско-религиозные общества ни собирались».

В письме В. С. Миролубову – отзыв о статье В. Розанова о Некрасове: «Давно, давно уже не читал ничего подобного, ничего такого талантливое, широкого и благодушного, и умного».

1903

В течение всего года приложением к журналу «Нива» выходило Полное собрание сочинений Ант. П. Чехова (в 16 томах).

Тома были более тонкими сравнительно с 10-томником 1899–1902 годов, но сюда вошли произведения последних лет.

9 января. Вновь не согласился на расторжение договора с А. Ф. Марксом с 1 января 1904 года.

«Мои сочинения уже опошлены «Нивой», как товар, и не стоят этих денег, по крайней мере, не будут стоить еще лет десять, пока не сгниют премии «Нивы» за 1903 г. <...> Да и не надо все-таки забывать, что когда зашла речь о продаже Марксу моих сочинений, то у меня не было гроша медного, я был должен Суворину, издавался при этом премерзко, а главное, собирался умирать и хотел привести свои дела хотя бы в кое-какой порядок».

Январь – февраль. Работа над рассказом «Невеста» и пьесой «Вишневый сад».

«Ах, какая масса сюжетов в моей голове, как хочется писать, но чувствую, чего-то не хватает – в обстановке ли, в здоровье ли».

«Пишу по 6–7 строчек в день, больше не могу, хоть убей».

16 февраля. О. Л. Книппер написала Чехову, что в Художественном театре на «Трех сестрах» была М. Н. Ермолова: «Константину Сергеевичу поднесла венок после 3-го акта, Вишневскому свою фотографию...»

Март. Частые встречи с М. Горьким, приехавшим в Ялту (поселился в Олеизе).

Продолжалась работа над «Вишневым садом».

«А пьеса, кстати сказать, мне не совсем удается. Одно главное действующее лицо еще недостаточно продумано и мешает...»

9 апреля. В письме к О. Л. Книппер: «Гости без конца, а когда нет гостей, то выбегаешь в сад посидеть и вздохнуть... Пьесу буду писать в Москве, здесь писать невозможно. Даже корректуру не дают читать».

17 апреля. «А пьеса наклеивается помаленьку, только боюсь, тон мой вообще устарел, кажется».

Апрель. Сказал В. С. Миролубову, вспоминая свою литературную молодость: «Нет, уж справлять юбилей не буду. Этого свинства, которое со мной было сделано, забыть нельзя».

Разговор с В. В. Вересаевым о рассказе «Невеста»:

«– Антон Павлович, не так девушки уходят в революцию. И такие девицы, как Ваша Надя, в революцию не идут.

Глаза его взглянули с суровой настороженностью.

– Туда разные бывают пути».

24 апреля. Приехал в Москву.

14 мая. В Петербурге. Разговаривал (безрезультатно) о расторжении или изменении договора.

24 мая. Московский профессор А. А. Остроумов, осмотрев Чехова, запретил жить зимой в Ялте. «Приказал мне проводить зиму где-нибудь поблизости Москвы, на даче».

25 мая. И. Л. Толстой по просьбе Чехова послал ему список лучших, по мнению Л. Н. Толстого, рассказов: «Оказывается, что они, кроме того, еще разделены на два сорта, 1-й и 2-й.

1-й сорт: 1) Детвора 2) Хористка 3) Драма 4) Дома 5) Тоска 6) Беглец 7) В суде 8) Ванька 9) Дамы 10) Злоумышленник 11) Мальчики 12) Темнота 13) Спать хочется 14) Супруга 15) Душечка.

2-й сорт: 1) Беззаконие 2) Горе 3) Ведьма 4) Верочка 5) На чужбине 6) Кухарка женится 7) Канитель 8) Переполох 9) Ну, публика! 10) Маска 11) Женское счастье 12) Нервы 13) Свадьба 14) Беззащитное существо 15) Бабы».

25 мая. Чехов поехал на станцию Нара (Брянская ж. д.), снял там флигель.

Июнь. Работа над пьесой «Вишневый сад».

Поиски небольшого имения под Москвой. Поездки с этой целью в Звенигород, Воскресенск, в имение С. Т. Морозова Рубцово.

Чтение нелегального журнала «Освобождение»: «Тон однообразен, становится в конце концов скучновато, точно читаешь энциклопедический словарь, и будет так, пока не придет к нему на помощь беллетристика».

Редактирование чужих рукописей для журнала «Русская мысль».

7 июля. Уехал в Ялту с женой.

12 июля. Отказался быть редактором беллетристического отдела в журнале «Мир искусства»: «...как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего... воз-то мы если и поведем, то в разные стороны». Советовал С. П. Дягилеву быть единоличным редактором журнала.

Июль – сентябрь. Работа над «Вишневым садом».

Редактирование рукописей для беллетристического отдела «Русской мысли».

15 сентября. Закончив «Вишневый сад», написал М. П. Лилиной, которой предназначалась роль Вари: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс...»

1 октября. Лечивший Чехова доктор И. Н. Альтшуллер сказал, что жить ему зимами под Москвой нельзя.

Октябрь. Переписал «Вишневый сад» «начисто второй раз».

14 октября. Рукопись «Вишневого сада» отправлена в Москву. Одновременно в письме к О. Л. Книппер советы о распределении ролей и об их исполнении.

18 октября. Вл. И. Немирович-Данченко прочитал пьесу сам, потом – артистам театра. Большое письмо Чехову.

19 октября. «Вишневый сад» прочел К. С. Станиславский. «Конст. Серг., можно сказать, обезумел от пьесы. Первый акт, говорит, читал как комедию, второй сильно захватил, в 3-м я потел, а в 4-м ревел сплошь».

В газете «Новости дня» – заметка Н. Е. Эфроса, в которой искаженно представлено содержание «Вишневого сада». Заметка была перепечатана другими газетами и вызвала возмущение Чехова: «У меня такое чувство, точно меня помоями опоили и облили... будто я растил маленькую дочь, а Эфрос взял и растлил ее».

2 ноября. Написал Вл. И. Немировичу-Данченко о народном театре (М. Горький мечтал создать такой театр в Нижнем Новгороде): «...и народные театры, и народная литература – все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ поднимать к Гоголю».

3 ноября. Решил отдать «Вишневый сад» М. Горькому для публикации в очередном сборнике «Знание».

10 ноября. В письме литератору В. Л. Кигну-Дедлову – о своей жизни: «Я все похварываю, начинаю уже стариться, скучаю здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что как литератор должен бы видеть. Вижу только и, к счастью, понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее – это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в одноцветное, серое поле, ибо уже не вижу, как прежде».

25 ноября. «Вишневый сад» разрешен к постановке с исключением двух мест в монологах Трофимова.

2 декабря. Уехал в Москву.

Начало декабря. Вышел в свет «Журнал для всех» с рассказом «Невеста». Это был последний рассказ, напечатанный при жизни Чехова.

12 декабря. Вместе с Л. А. Сулержицким смотрел в Художественном театре «На дне».

Декабрь. Почти ежедневно на репетициях своей пьесы. Не согласен с режиссером, что «Вишневый сад» драма, а не комедия.

К. С. Станиславский вспоминал: «Я не помню, чтобы он с таким жаром отстаивал какое-нибудь другое свое мнение, как это...»

Узнав, что деятели искусства и литературы намерены обратиться к А. Ф. Марксу с письмом об изменении условий договора, Чехов просил не делать этого.

1904

16 января. Слышал в Большом театре Ф. И. Шаляпина в опере «Демон».

17 января. Премьера «Вишневого сада» в Художественном театре, приуроченная ко дню рождения Чехова.

Чехов не удовлетворен спектаклем.

В антракте после третьего акта – чествование автора по поводу 25-летия его литературной деятельности (читались адреса и приветствия, поднесен старинный ларец с портретами артистов Художественного театра, зачитывались телеграммы). На ужине после спектакля произнес речь Ф. И. Шаляпин.

Конец января. Читал корректуру «Вишневого сада» (для сборника «Знание»), внес существенные изменения.

Начало февраля. Присутствовал на «среде» у Н. Д. Телешова; В. А. Гольцев читал доклад о философии Ницше.

7, 14 февраля. Два письма к Л. А. Авиловой по поводу ее намерения издать сборник рассказов разных писателей в пользу раненных на Русско-японской войне. Советовал выпустить лучше небольшой сборник «изречений лучших авторов (Шекспира, Толстого, Пушкина, Лермонтова и проч.) насчет раненых, сострадания к ним, помощи и проч.»

«...Будьте веселы, смотрите на жизнь не так замысловато; вероятно, на самом деле она гораздо проще. Да и заслуживает ли она, жизнь, которой мы не знаем, всех мучительных размышлений, на которых изнашиваются наши российские умы, – это еще вопрос».

15 февраля. Уехал в Ялту.

18 февраля. В письме к О. Л. Книппер: «Гости, гости, гости без конца, не дают писать, портят настроение, а один человечек сидит у меня в кабинете весь день».

20 февраля. Получил иллюстрированное издание «Каштанки».

Февраль – март. Читал и редактировал рукописи разных авторов для беллетристического отдела «Русской мысли».

Начало апреля. Петербургские гастроли Художественного театра. «Вишневый сад» шел 14 раз. Большой успех.

4 апреля. Огорчен, что «Знание» не выпустило сборника с «Вишневым садом», хотя обещали сделать это в конце января: «Ведь я терплю убытки, в провинции не по чем играть».

10 апреля. Досадовал, что в афишах и газетных объявлениях Художественного театра «Вишневый сад» называется драмой, а не комедией: «Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моей пьесы».

13 апреля. В письмах нескольким корреспондентам рассказал о своем намерении летом, если будет здоров, отправиться врачом на Русско-японскую войну: «Мне кажется, врач увидит больше, чем корреспондент».

20 апреля. К. П. Пятницкий известил Чехова, что у книги второго сборника «Знание» (с «Вишневым садом») возникли цензурные препятствия.

27 апреля. Отправил в издательство А. Ф. Маркса корректуру «Вишневого сада».

Показывал Н. Г. Гарину-Михайловскому свои записные книжки: «Листов на 500 еще не использованного материала. Лет на пять работы. Если напишу, семья останется обеспеченной».

1 мая. Уехал в Москву.

Поселился в Леонтьевском переулке. Нездоров, не выходит из дому.

16 мая. Доктор советовал ехать за границу для лечения.

Конец мая. Читал поэму Б. А. Садовского; в письме к автору – отзыв: «...в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает».

Поступил в продажу сборник «Знание», книга вторая, с «Вишневым садом». Издатели «Знания» просили Чехова, чтобы А. Ф. Маркс не выпускал своего издания пьесы раньше конца года.

31 мая. В письме А. Ф. Марксу просил задержать издание пьесы, хотя подписанная корректура была уже отправлена.

Май. Несмотря на болезнь, просматривал рукописи рассказов, присылаемых из «Русской мысли».

2 июня. У Чехова Н. Д. Телешов.

«На диване, обложенный подушками... сидел тоненький, как будто маленький, человек с узкими плечами, с узким бескровным лицом – до того был худ, изнурен и неузнаваем Антон Павлович. Никогда не поверил бы, что возможно так измениться.

А он протягивает слабую восковую руку, на которую страшно взглянуть, смотрит своими ласковыми, но уже не улыбающимися глазами и говорит:

– Завтра уезжаю. Прощайте. Еду умирать».

В этот же день получил телеграммы от А. Ф. Маркса, что он не может задержать издание «Вишневого сада», и от Горького и Пятницкого, что такая задержка необходима. Написал К. П. Пятницкому: «Виноват во всем этом, конечно, я, так как не задержал у себя корректуры; виноваты и Вы, так как напомнили мне об этом задержании, когда «Сборник» уже вышел».

Последний отъезд из России

3 июня. Уехал с женой за границу, в немецкий курортный городок Баденвейлер.

5 июня. Приехали в Берлин.

6 июня. Берлинский корреспондент «Русских ведомостей» Г. Б. Иоллос, заботившийся в эти дни по просьбе В. М. Соболевского о Чеховых, рассказывал: «Я лично в Берлине уже получил впечатление, что дни А. П. сочтены, – так он мне показался тяжело больным: страшно исхудал, от малейшего движения кашель и одышка, температура всегда повышенная. В Берлине ему трудно было подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала; несколько минут он сидел обессиленный и тяжело дыша. Помню, однако, что, когда поезд отходил, он, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на месте, высунулся из окна и долго кивал головой, когда поезд двинулся».

9 июня. Приехали в Баденвейлер.

Из Германии Чехов написал несколько писем матери и сестре в Ялту, близким знакомым в Москву и Таганрог. Они так просты и печальны, окрашены такой безысходной тоскою по Москве, по России, что читать их нелегко. «Предсмертные письма Чехова – вот что внушило мне на днях действительный ночной ужас. Это больше действует, чем уход Толстого», – заметил Александр Блок⁹.

«Милая Маша, пишу тебе из Берлина, где я живу уже сутки. В Москве после твоего отъезда стало очень холодно, пошел снег, и, вероятно, от этого я простудился, началась у меня ломота в ногах и руках, я не спал ночей, сильно похудел, впрыскивал морфий, принимал тысячи всяких лекарств и с благодарностью вспоминаю только об одном героине, прописанном мне когда-то Альтшуллером. К отъезду я стал все-таки набираться сил, появился аппетит, стал я впрыскивать в себя мышьяк и проч. и проч. и наконец в четверг выехал за границу очень худой, с очень худыми, тощими ногами. Ехал хорошо, приятно. Здесь в Берлине заняли уютный номер в лучшей гостинице, живу я тут с большим удовольствием и давно уже не ел так хорошо, с таким аппетитом, как здесь. Хлеб здесь изумительный, я объедаюсь им, кофе превосходный, про обеды уж и говорить нечего. Кто не бывал за границей, тот не знает, что значит хороший хлеб. Здесь нет порядочного чаю (у нас свой), нет закусок, зато все остальное великолепно, хотя и дешевле, чем у нас. Я уже отъелся и сегодня даже ездил далеко в Тиргартен, хотя было прохладно. Итак, стало быть, скажи мамаше и всем, кому это интересно, что я выздоравливаю, или даже уже выздоровел, ноги уже не болят, поносов нет, начинаю полнеть и уже целый день на ногах, не лежу. Завтра у меня будет здешняя знаменитость – проф. Эвальд, специалист по кишечным болезням; ему писал обо мне д-р Таубе.

Вчера пил чудесное пиво...

Послезавтра уезжаем в Badenweiler. Адрес пришлю. Напиши, есть ли деньги, когда высылать чек. Берлин мне очень нравится, хотя здесь и прохладно сегодня. Читаю немецкие газеты. Слухи о том, что в здешних газетах очень бранят русских, преувеличены...» (6 июня).

«Милая Маша, сегодня мы уезжаем из Берлина на свое длительное местопребывание, на границу Швейцарии, где, вероятно, будет и очень скучно и очень жарко. Мой адрес:

Германия, Badenweiler
Herrn Anton Tschechow.

Так мою фамилию печатают здесь на моих книжках, стало быть, и я так должен писать ее. В Берлине немножко холодно, но хорошо. Самое нехорошее здесь, резко бросающееся в глаза – это костюмы местных дам. Страшная безвкусица, нигде не одеваются так мерзко, с

⁹ Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 292.

совершенным отсутствием вкуса. Не видел ни одной красивой и ни одной, которая не была бы обшита какой-нибудь нелепой тесьмой. Теперь я понимаю, почему московским немцам так туго прививается вкус. Зато здесь, в Берлине, живут очень удобно, едят вкусно, берут за все недорого, лошади сытые, собаки, которые здесь запрягаются в тележки, тоже сытые, на улицах чистота, порядок...

Ноги у меня уже не болят, ем превосходно, сплю хорошо, катаюсь по Берлину; только вот беда: одышка. Сегодня купил себе летний костюм, егерских фуфаяк и проч. и проч...» (8 июня).

«С первых чисел мая я очень заболел, похудел очень, ослабел, не спал ночей, а теперь я посажен на диету (ем очень много) и живу за границей. Мой адрес:

Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschechhoff или Tschechow – так печатают сами немцы, мои переводчики.

Как будто поправляюсь. Не дает мне хорошо двигаться эмфизема. Но, спасибо немцам, они научили меня, как надо есть и что есть. Ведь у меня ежедневно с 20 лет расстройство кишечника! Ах, немцы! Как они (за весьма небольшими исключениями) пунктуальны!

Запретили немцы пить кофе, который я так люблю. Требуют, чтобы я пил вино, от которого я давно уже отвык...

Нигде нет такого хорошего хлеба, как у немцев; и кормят они необыкновенно. Я, больной, в Москве питался сухими сухариками из домашнего хлеба, так как во *всей* Москве нет порядочного, здорового хлеба...

Badenweiler – это курорт в Шварцвальде, на юге Германии.

У меня в Москве болели руки и ноги; даже думал, уж не табес¹⁰ ли начинается. Но ничего, Бог миловал, едва выехал из московской квартиры и сел в вагон, как боль стала проходить...» (12 июня).

«Здоровье мое поправляется, входит в меня пудами, а не золотниками. Ноги уже давно не болят, точно и не болели, ем я помногу и с аппетитом; осталась только одышка от эмфиземы и слабость от худобы, приобретенной мною за время болезни. Лечит меня здесь хороший врач, умный и знающий. Это д-р Schwoeget, женатый на нашей московской Живаго.

Badenweiler очень оригинальный курорт, но в чем его оригинальность, я еще не уяснил себе. Масса зелени, впечатление гор, очень тепло, домики и отели, стоящие особняком в зелени. Я живу в небольшом особняке-пансионе, с массой солнца (до 7 час. вечера) и великолепнейшим садом, платим 16 марок в сутки за двоих (комната, обед, ужин, кофе). Кормят добросовестно, даже очень. Но, воображаю, какая здесь скука вообще! Кстати же, сегодня с раннего утра идет дождь, я сижу в комнате и слушаю, как под и над крышей гудит ветер.

Немцы или утратили вкус, или никогда у них его не было: немецкие дамы одеваются не безвкусно, а прямо-таки гнусно, мужчины тоже, нет во всем Берлине ни одной красивой, не обезображенной своим нарядом. Зато по хозяйственной части они молодцы, достигли высот, для нас недостижимых» (12 июня).

«Милая Маша, уже третьи сутки я живу на месте, мне предназначенном; вот мой, буде желаешь, более подробный адрес:

Германия, Badenweiler
Herrn Anton Tschechow,
Villa Friederike.

Эта Villa Friederike, как и все здешние дома и виллы, стоит особняком, в роскошном садике, на солнце, которое светит и греет до 7 час. вечера (позже я ухожу в комнаты). Мы живем здесь и платим пансион. За 14 или 16 марок в сутки мы вдвоем получаем комнату, залитую солнцем, с рукомойниками, с кроватями и проч. и проч., с письменным столом, и

¹⁰ Табес – хроническое заболевание нервной системы. – Ред.

главное – с чудеснейшей водой, похожей на зельтерскую. Впечатление кругом – большой сад, за садом горы, покрытые лесом, людей мало, движения на улице мало, уход за садом и цветами великолепный, но сегодня вдруг ни с того ни с сего пошел дождь, я сижу безвыходно в комнате, и уже начинает казаться, что дня через три я начну подумывать о том, как бы удрать.

Масло продолжаю есть в громадном количестве – и без всяких последствий. Молока не переносу. Доктор здешний Schwoger (женатый на москвичке Живаго) оказался и знающим, и порядочным.

Отсюда в Ялту мы, быть может, приедем морем через Триест или какую-нибудь другую гавань. Здоровье входит в меня не золотниками, а пудами. По крайней мере, я научился здесь, как питаться. Кофе запрещают мне совершенно, говорят, что он слабительное. Яйца уже начинаю есть понемногу. Ах, как немки скверно одеваются!

Я живу в нижнем этаже. Если б ты знала, какое здесь солнце! Не жжет, а ласкает. У меня удобное кресло, на котором я лежу или сижу.

Часы непременно куплю, я не забыл. Как здоровье мамы? Как ее настроение? Напиши мне. Поклонись ей. Ольга ходит здесь к зубному врачу, очень хорошему.

Ну, будь здорова и весела. На днях еще напишу письмо.

Этой бумаги я купил очень много в Берлине, и конвертов тоже...» (12 июня).

«Милая мама, шлю Вам привет. Здоровье мое поправляется, и надо думать, что через неделю я буду уже совсем здоров. Здесь мне хорошо. Покойно, тепло, много солнца, нет жары. Ольга кланяется Вам и целует. Поклонитесь Маше, Ване и всем нашим. Низко Вам кланяюсь и целую руку. Вчера Маше послал письмо...» (13 июня).

«Милая Маша, сегодня получил от тебя первое письмо-открытку, большое спасибо. Я живу среди немцев, уже привык и к комнате своей и к режиму, но никак не могу привыкнуть к немецкой тишине и спокойствию. В доме и вне дома ни звука, только в 7 час. утра и в полдень играет в саду музыка, дорогая, но очень бездарная. Не чувствуется ни одной капли таланта ни в чем, ни одной капли вкуса, но зато порядок и честность, хоть отбавляй. Наша русская жизнь гораздо талантливее, а про итальянскую или французскую и говорить нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.